[Polaris]

А. ОССЕНДОВСКИЙ

БРИГ "УЖАС"

Избранные фантастические произведения

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XI

Salamandra P.V.V.

АНТОНИЙ
ОССЕНДОВСКИЙ

БРИГ «УЖАС»

Избранные фантастические произведения

Salamandra P.V.V.

Оссендовский А. Ф.

Бриг «Ужас»: Избранные фантастические произведения. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 100 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XI).

В книгу «Бриг “Ужас”» вошли избранные фантастические произведения польско-русского писателя, ученого, путешественника и авантюриста Антония Фердинанда Оссендовского (1876-1945) – оккультный рассказ «Ложа Священного Алмаза» и небольшие повести «Бриг “Ужас”» и «Грядущая борьба».

Оссендовский успел побывать революционером и шантажистом, соратником адмирала Колчака и барона Унгерна и скитальцем в азиатских степях, фальсификатором и участником польского Сопротивления – и завоевал всемирную известность благодаря мемуарно-фантастической книге «И звери, и люди, и боги» (1923), сочетающей картины гражданской войны в Сибири и Монголии с историями о загадочных мистических царствах Азии. Неудивительно, что фантастика его, подобно личности автора, увлекательна и необычна.

ЛОЖА СВЯЩЕННОГО АЛМАЗА

Рисунки Ф. Плошинского

1.

Татьяна Семеновна Горлина, пугливо озираясь, вошла в свою спальню и заперла дверь на ключ.

Она зажгла все лампы и начала осматривать комнату. Тяжелые шелковые драпировки на окнах и двери уже возбуждали в ней страх. В их широких складках, казалось, скрывался тот, кто вдруг начинал слегка шуршать шелком и едва заметно колыхал драпировку. Преодолевая страх, Татьяна Семеновна быстро распахнула занавески и остановилась, закрыв глаза и боясь увидеть что-нибудь ужасное. Но в темных нишах окон и дверей никого не было, и только юркие отблески уличных фонарей бегали по стеклу.

Под широкой, покрытой шкурой какого-то зверя кушеткой, за шифоньеркой и трехстворчатым зеркалом, под кроватью, выдвинутою почти на середину спальни, — Татьяна Семеновна не нашла ничего подозрительного.

Набросив на себя пеньюар, она позвонила и открыла дверь.

— Что делают Ниночка и Гриша? — спросила она у вошедшей горничной.

— Уже спят, — ответила девушка.

— Разве так поздно? — с недоумением в голосе протянула Горлина.

— Скоро час, барыня! — сказала горничная, с любопытством и насмешкой взглянув на Татьяну Семеновну.

— А я и не заметила... — злобно передернула она плечами.

— Хорошо! Ступайте спать, Аннушка!

Когда горничная ушла, Горлина прижала холодные руки к голове и, почти побежав к двери, с треском захлопнула ее и два раза повернула ключ.

Она на цыпочках подошла к столу и опустилась в глубокое, покойное кресло, все время наблюдая в зеркало за тем, что делалось в комнате, позади нее.

Она долго сидела неподвижно, с широко открытыми глазами, и знала, что ее так пугало и в то же время манило к себе.

Случилось это впервые полгода тому назад, тотчас же после смерти мужа Татьяны Семеновны.

Однажды она шла около трех часов дня по Морской улице и вдруг почувствовала, что кто-то сильно и грубо схватил ее за плечо.

Она с негодованием оглянулась и крикнула от страха и изумления.

Возле нее никого не было.

Ничего не понимая, она пошла вперед, и опять повторилось то же.

Она подошла к первому попавшемуся извозчику и уже намеревалась сесть в пролетку, когда взгляд ее упал на противоположную сторону улицы

Не отдавая себе отчета в том, что она делает, Татьяна Семеновна быстро перешла улицу и очутилась рядом с господином, одетым в легкое серое пальто и мягкую фетровую шляпу.

Он стоял, опершись о толстую трость, и не спускал глаз с встревоженного и растерянного лица Татьяны Семеновны. Взгляд у него был особенный. Какие-то яркие, рассеивающиеся во все стороны лучи, как сияние алмаза, приковывали к себе взор и заглядывали в душу, словно копались в ней и искали скрытую в ней тайну.

Он низко поклонился Горлиной и мягким голосом, отчеканивая каждое слово, сказал:

— Не грустите... он счастлив там... Вы же должны вернуться в третью страну...

— Куда? — не удержалась от вопроса Татьяна Семеновна.

— В страну, где вихри слагаются из людских неопределенных желаний и ничтожных страстей; туда, где рождаются нездешние силы...

Не отвечая незнакомцу, Горлина быстро пошла в сторону Невского.

Странный господин сделал за нею всего несколько шагов и тихо произнес, почти шепнул:

— Если вспомните обо мне — я приду...

С той поры его не встречала Горлина, но зато начались непонятные и расстраивающие молодую женщину явления.

Горлина медленно разделась и, легши, закрылась с головой одеялом. Быстрым движением руки она сразу погасила все лампы.

Она не спала и чутко слушала. В спальне только будильник тикал едва слышно, да раздавались неясные ночные шелесты и шорохи.

Какая-то тяжесть налегла на нее, сосущая тоска наполнила сердце и холодной струйкой пробежала по всему телу.

Горлина вздрогнула, затрепетала, словно умирая, сразу открыла глаза и сдернула с головы одеяло.

Комната была ярко освещена. Свет этот рождался где-то в самом воздухе, в каждом предмете. Все излучало таинственно мерцающий свет, все было напоено, пропитано им. Все очертания сделались подвижными, казалось, что вещи дышат, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Разноцветные лучи нигде не скрывались и не погасали. Они проникали повсюду, и в этом море разноцветных вспышек постепенно тонули все предметы, растворялись стены, и рождался ужас перед беспредельностью. Лучи, сталкиваясь и сплетаясь в причудливую световую сеть, мчались все дальше, словно рой стрел, выпущенных из миллионов луков. Слившись,

где-то в бесконечности, в одно огромное облако, тихо мерцающее нежной, поблекшей радугой, свет сделался неподвижным.

Но это длилось одно мгновение, а вслед за этим все снова завихрилось и заметалось, вскинулись кверху столбы огней и тучи разноцветного дыма, помчались какие-то безобразные черные обрывки, огромные, как миры; они росли и надвигались, грозя все уничтожить, превратить в пыль; из-за столбов дыма и колеблющихся языков пламени, взвивались кверху крылатые чудовища с длинными, судорожно изгибающимися хвостами и жадно раскрытыми пастями, за ними мчались, словно погоняя их, черные, как ночь, гиганты с бичами в руках, отбиваясь от налетающих со всех сторон больших птиц с огнем вместо головы и от толстых блестящих змей, грохочущих жесткой чешуей.

В треске огня, в свисте бушующего пламени гремели голоса, слышались крики, стоны, грохот и звон.

Вся напряженная, покрытая холодным потом, с глазами до боли неподвижными, лежала Горлина и ожидала появления самого страшного, кто неминуемо должно было прий-

ти и одним видом своим погасить всякую жизнь, уничтожить свет, движение и радость.

Однако, и на этот раз свет погас, и в комнате, по-прежнему, был мрак, и слышались лишь те необъяснимые шумы и шорохи, какие рождает ночь, еще не поглотившая дневной суеты.

Горлина села на постели, зажгла лампу и долго думала. Наконец, приняв какое-то решение, она сразу успокоилась и даже уснула.

Наутро, к изумлению Татьяны Семеновны, все радовало ее. Спальня показалась ей веселой и красивой. Розовый шелк, мягкая, изысканная мебель, граненые тяжелые зеркала в золотых рамах, прекрасная кровать из белого блестящего, как стекло, дерева, с целым облаком батиста, шелка и кружев, картины в гладких белых рамах и филигранные тюльпаны ламп — все это давно уже так не радовало Горлину, охваченную непонятным и мучительным недугом. Теперь неожиданно вернулись к ней и здоровье и прежняя бодрость.

Она быстро оделась и, поздоровавшись с детьми, вошла в гостиную и сказала горничной:

— Сейчас должен прийти один господин. Проводите его сюда!

Одновременно с ее последним словом в передней раздался звонок.

2.

— Вы вспомнили обо мне сегодня ночью, — сказал, входя в гостиную, высокий, полный господин, в черном сюртуке и с мягкой шляпой в руке. — Вы приказали, — и я явился.

— Очень благодарна вам, — произнесла дрожащим от волнения голосом Горлина. — Я просто не понимаю, я с ума схожу!.. Как вы могли узнать мои мысли?

Незнакомец устремил на нее свои лучистые глаза и поднял голову:

— Вчера и каждый день вас тревожат космические бури. В пространстве без начала и конца сталкиваются силы земли и духа. Рождающиеся призраки терзают вас и влекут в борьбу вихрей и пламени. Удел редких избранников...

Сказав это, он низко поклонился ей и попросил:

— Дайте мне вашу левую руку, но сначала пристально взгляните на середину своей ладони.

Он взял ее руку и начал медленно поворачивать ее, разыскивая линию и изучая сеть тонких, как паутина, складок и морщинок.

И вдруг он резким движением откинул от себя ее руку и, отойдя к окну, угрюмо глядя на нее, произнес:

— Счастье и несчастье... У вас двое детей. Кармой предопределено им увидеть невиданное людьми и постигнуть — непостигаемое. Великим волшебникам и пророкам будут подобны они, и счастлива мать их и горда она, передавшая им неземную силу! За это счастье ждет, однако, вас и несчастье, великое и тяжкое.

В этот день, поздно вечером ушел из дома Горлиной незнакомец, назвавший себя брамином Гатва.

Когда к нему привели детей, семилетнюю Ниночку и десятилетнего Гришу, всегда молчаливых и серьезных, они радостно улыбнулись ему и доверчиво взяли Гатву за руки.

3.

С того дня прошло семь лет.

Они промчались как сон, как одно мгновение. Если бы Татьяне Семеновне пришлось рассказать по годам свою жизнь после знакомства с брамином, ей бы это не удалось.

И как это странно случилось...

Гатва однажды пришел к ней и сказал:

— Надо отдать ваших детей «великой силе»! Пусть они начнут свой путь в третью страну, пусть поведут в нее избранных...

Она попробовала тогда сопротивляться, но Гатва взял ее за руку и заглянул ей в глаза своим лучистым, всегда повелевающим взглядом и сказал:

— Отдайте своих детей! Всякий раз, когда вы захотите видеть их, они будут к вам приходить.

И она отдала Гатве Гришу и Ниночку, а те с радостью и беззаботным, веселым смехом взяли его за руку и бежали за ним.

Прощаясь с Горлиной, Гатва вынул из кармана узенькую золотую полоску с тремя непонятными черными знаками, вырезанными на ней.

Он приказал детям прикоснуться к ней по очереди руками и головой и передать матери.

— Возьмите эту пластинку и в минуты тоски о детях смотрите на нее — они придут...

Гатва не обманул ее. Всякий раз, когда Горлина начинала грустить, она доставала полоску, данную брамином, и смотрела на нее.

Золото темнело, становясь из желтого почти красным, три непонятных знака, напоминающих изогнувшихся змей, начинали шевелиться... Перед глазами повисал туман, за завесой которого Горлина видела своих детей.

Лица у них были спокойные и радостные, но призрачные и светлые, а глаза пылали горячим огнем. С каждым днем лица детей становились прекраснее, а глаза все ярче и ярче сверкали неземным, могучим блеском.

Что делала в эти семь лет Татьяна Семеновна? И ничего, и очень много.

Обладая большими средствами, она объездила все страны. Нигде долго не жила. Какое-то легкое беспокойство, будто ожидание чего-то важного и счастливого гнало ее все дальше и дальше.

В Петербурге ее считали сумасшедшей. Удивлялись, почему не вмешаются в ее судьбу родственники мужа, почему не потребуют они возвращения из-за границы учащихся там детей Горлиной.

Татьяна Семеновна понимала все, что делается вокруг нее, и все реже и лишь на самое непродолжительное время возвращалась в свой дом.

Наконец она вернулась под самое Рождество и через несколько дней созвала к себе всех родственников и друзей.

Она рассказала о встрече с Гатвой и о том, как он дал ей возможность всегда вызывать к себе увезенных во Францию детей.

— Я в декабре жила в Афинах, — окончила она свой рассказ. — И здесь ко мне вернулась моя страшная болезнь. Всякую ночь надо мной бушевала космическая буря и, захватив меня в свою стихию, мчала куда-то. Я снова вспомнила о Гатве, я звала его, но он не явился. Не знаю, как случилось, но я потеряла золотую пластинку и вот уже давно не вижу своих детей. Что мне делать?

После долгих совещаний было решено, что Татьяна Семеновна и ее двоюродный брат — врач — поедут в Париж, искать Гатву и детей Горлиной.

4.

На улице Bretteniére в мрачном особняке, принадлежащем некогда фаворитке короля Филиппа, Сюзанне Мармелль, помещалась старейшая ложа оккультистов.

Это было как нельзя более подходящее помещение, так как в доме г-жи Мармелль некогда жил и колдовал оставшийся до настоящего реального времени таинственным — Калиостро.

У входа посетителя обычно спрашивали:

— Вам известно имя ложи?

И посвященный отвечал двумя короткими словами:

— Священный Алмаз...

В один пасмурный и холодный день на улице Bretteniére можно было наблюдать большое стечение конных экипажей и автомобилей.

Нарядные дамы и важные мужчины в цилиндрах выходили из удобных колясок и блестящих моторов и, молчаливые и сосредоточенные, скрывались в темном подъезде помещения ложи.

Посетители входили в большой круглый зал, уставленный скамейками, как в католических храмах, освещенный высокими семисвечниками, стоящими тремя рядами, образующими треугольник.

На самой середине зала, в центре треугольника, высилась стройная колонна из зеленого нефрита; верхняя, расширяющаяся в капитель, часть колонны была закрыта легкой материей, отороченной широкой золотой бахромой. У колонны помещалось возвышение с двумя креслами на трех изогнутых ножках.

Стены зала были обтянуты черным сукном, с идущими по карнизу белыми письменами, напоминающими извивающихся и бьющихся змей.

Когда все скамьи были заняты, на возвышении появился необыкновенно высокий и худой человек с темным лицом и густыми черными волосами, падающими на лоб и глаза.

Он поднял руки вверх и глухим голосом произнес.

— Брат Грегуар и Тень его шлют собравшимся привет и слово покоя!

Тихий, сдержанный шепот пронесся по залу и стих, когда высокий человек опять поднял руки.

— Брат Грегуар и Тень его в поисках истины и древней науки нашли для братьев своих и сестер — новый путь правды, а имя ему — атанат. Из диких трав скалистых ущелий, из коры бамбука, обвитого змеею в новолуние, из снега, выпавшаго на землю в час таинственных деяний, — вот атанат.

При этих словах в нескольких местах зала открылись потайные двери, и мальчики в белых одеждах начали разносить на черных деревянных блюдах маленькие, зеленоватые лепешки.

Собравшиеся ели их и, по мере того, как исчезал «атанат», медленнее становились движения людей и неподвижнее и тяжелее их взгляд.

Люди, бывшие до того возбужденными или носившие следы болезней и горя, делались похожими друг на друга: одинаковые безмятежность и равнодушие были в глазах и в непроницаемости выражения их лиц. Казалось, что скоро все собравшиеся здесь впадут в оцепенение или тяжелый, бредовый сон. Но в воздухе чувствовалось такое напряжение, какое бывает перед бурей, когда каждый атом атмосферы, каждая капля испарившейся воды несут в себе могучий заряд электричества, рождающий молнии, разрушение и жизнь.

Напряжение это становилось все более и более ощутимым. Чувства обострялись до крайнего предела. Глазам становилось больно от тихого мерцания восковых свечей; резким и оглушительным казался шелест платья и легкий треск обгоревших светилен. Сквозь каменные стены старого дома и толстое сукно прорывались световые потоки с улицы, — и его ясно видели глаза, перерожденные «атанатом».

Тихий и благозвучный удар колокола задрожал под сводами зала, и, окруженные мальчиками и черными людьми с яркими глазами, на возвышение начали медленно всходить красивый, бледный юноша и девушка, почти ребенок, с волной русых волос, покрывающих ее плечи и грудь.

Они держались за руки и некоторое время стояли лицом к собравшимся, склонившим головы при их появлении. У обоих глаза были закрыты, а по лицам блуждала загадочная улыбка, внезапно исчезающая у строгих, молчаливых губ.

Не открывая глаз, юноша подошел к нефритовой колонне и поднял кверху свое прекрасное лицо, выражающее непреклонную волю и приказание.

В тот же миг легкая материя, покрывающая вершину колонны, шевельнулась, затрепетала, словно подхваченная сильным ветром поднялась и прижалась к украшениям капители. Под нею, по карнизу шел двойной ряд великолепно сверкающих алмазов, переливающихся всеми цветами радуги.

Одновременно открылась небольшая дверца, скрытая в камне колонны, и в зале пронесся крик:

— Священный Алмаз! Священный Алмаз!

Из зеленого камня смотрел огненный, пристальный глаз.

Он был больше руки взрослого человека и оправлен в черное серебро, с вырезанными на нем теми же письменами, какие шли по карнизу зала.

Алмаз этот не сверкал, но переливался разными огнями.

Он был так прозрачен, что, глядя на него, становилось страшно.

Человек, заглянув в эту бездну световой прозрачности, где ничто не говорило о пределе, о конце, чувствовал, что сходит с ума, что стремится туда, где нет ни явлений, ни времени, ни пространства.

При малейшем движении и даже без него, алмаз вдруг изменял свой цвет: он сразу наполнялся то зеленым, то красным, то синим огнем, холодным и ярким, не скрывающим таинственной бездны небытия, таящейся в алмазе.

Когда восклицания и шепот удивления начали затихать, юноша открыл глаза и медленно обвел ими присутствующих.

Люди под этим взглядом перестали дышать, и взоры их утонули в лучезарной пустоте их. Эти глаза поглощали, втягивали в себя и ни на мгновение не загорались собственным блеском.

Только с самого дна их, с беспредельной глубины, смотрел кто-то могущественный и зоркий и приказывал.

Никто не мог оторваться от глаз юноши. Глаза его становились все глубже и больше. Казалось, что они сливаются в один огромный, неподвижный зрачок, заполняют собою все пространство и впитывают в себя людей с их мыслями и чувствами, тревогами и сомнениями.

Долго смотрел юноша на собравшихся, на каждого из них упал его взгляд и вынул что-то и впитал в себя; потом он коснулся сложенных на груди рук девушки своими руками и сказал тихим, но внятным шепотом:

— Видел многое, скрытое веками и жизнью.. Слышал правду и нашел ее... в людях, в старых книгах мудрецов, в говоре лесов, воды, гор и ветра. В шуме вихря, в свисте пламени, в грохоте гроз прилетал он ко мне и вещал...

С каждым словом призрачнее и страшнее становились глаза брата Грегуара и все повелительнее обводил он взглядом собравшихся.

Мальчики, бесшумно ступая по мягкому ковру, погасили свечи, и на одно мгновение глубокий мрак воцарился в зале.

Все затаили дыхание. Слышно было биение сердец и хрустение сжимаемых от волнения пальцев.

Мрак тихо рассеивался, хотя в зале не горело ни одной лампы, ни одной свечи. Голубоватые лучи неясного, трепетного света, зыбкие ореолы и тихие вспышки бесшумных зарниц, протянулись между собравшимися людьми и бездонными глазами юноши, поглощающими эти людские излучения.

В воздухе, словно перистые облака, в лучах неясного сияния мелькали легкие тени, неуловимые, без очертаний. Они становились яснее и определеннее, и когда юноша поднял кверху обе руки, под стрельчатыми сводами зала появились образы.

Белая, неуловимо быстрая, клубящаяся тень, метнулась под самым сводом, на один миг мелькнуло злобное, безобразно искривленное лицо и исчезло в непрозрачном тумане. Вынырнули откуда-то длинные, костлявые руки и швырнули вниз горсть горящих углей. Не долетев до толпы пораженных людей, угли превратились в живых су-

ществ. Черные и красные птицы с змеиными головами, крылатые ящерицы с горящими глазами, мягкие, отвратительные гады с текущей из пасти густой слюной и огромные светящиеся спруты, обхватывали своими лапами и щупальцами головы кричащих от ужаса и боли людей, припадали к их лицам жадными ртами, грызли и терзали.

Потом опять все исчезло в непроницаемом слепом мраке. Только высоко, под самой дальней готической аркой, чуть заметно светилась яркая точка. Она быстро двигалась и скоро превратилась в светлую полоску быстро качающихся, от одного свода к другому. Так длилось несколько мгновений, пока из груди собравшихся не вырвался крик:

— Паук! Великий Паук!..

Откуда-то из пучин пространства, кидая паутину от звезды к звезде и плетя свою сеть, к земле полз паук. Своими гигантскими лапами он, как рычагами машины, опутывал миры бесконечной нитью. За серой сетью исчезало небо и меркло солнце, а на землю пришла ночь. Из мутных сумерек глядели огненные глаза паука, и когда он вполз в зал и, опершись толстым животом на колонну, обдал всех огнем безумных зрачков, коснулся острыми шипами ядовитых лап, несколько человек с громкими криками и стонами упали на пол и начали биться в судорогах.

— Пришел! — раздался крик юноши. — Пришел рожденный силами земли и духа...

У колонны вырос гигант. В этом месте мрак словно прорвался, и в прорыве явилась неясная фигура. Она делалась отчетливее и светлее. Огромное тело было мрачно, чернее темноты, а голова озарена внутренним светом. Гигант почти касался сводов зала. Глаз не было видно, так как он устремил их вверх. Могучие руки он скрестил на груди, по которой почти до пояса спускалась длинная, седая борода.

Он вдруг что-то произнес. Голос его был подобен удару грома.

Стены вздрогнули от этого голоса, заколыхались семисвечники, и пали лицом на землю все присутствующие...

Погас свет, и исчез гигант.

У входа в зал раздался пронзительный крик и долго не смолкавший вопль:

— Мой сын... мой сын... мои дети!..

Вспыхнули лампы, и люди начали подниматься, испуганные и подавленные.

Какая-то дама, вся в черном, протискивалась сквозь толпу к возвышению у колонны.

Мальчики в белом и люди, с черными курчавыми волосами и загорелыми лицами, окружили юношу и девушку, и они, взявшись за руки, медленно и важно спускались по ступенькам.

— Гриша! Нина! — надрывным голосом крикнула, взглянув на них, ворвавшаяся в зал дама.

Ни юноша, ни девушка не взглянули на нее. У обоих были плотно закрыты глаза, а на лицах безмятежный покой.

— Вы не узнаете своей матери!—с отчаянием в голосе крикнула несчастная женщина. — Пожалейте меня! пожалейте...

Тяжелые, призывные рыдания матери услышал юноша и, безотчетно улыбаясь, открыл свои глаза.

Он потопил в их бездне тревожный взгляд несчастной женщины, заглянув ей в душу, понял и узнал все, хотел что-то сказать, даже губы его уже шевельнулись, но вдруг какая-то странная улыбка исказила его прекрасное лицо и, смеясь и приплясывая, он начал, заикаясь и сбиваясь, шептать:

— Ниночка с белой козочкой играла... у козочки рожки золотые, попугай еще был... а старый Гатва ушел уже... совсем... в страну сил... Белая козочка с золотыми рожками...

Он залился бессмысленным, блеющим смехом, жалобно передергивая узкими плечами и хлопая в ладоши...

— Ниночка! — бросилась к девушке дама. — Что с Гришей?

Девушка не шелохнулась и не издала ни звука.

Когда мать в ужасе обвела присутствующих взором, полным отчаяния и горя, один из мальчиков сказал:

— Девушка — глухонемая, и она никогда не открывает глаз!

5.

В одном из отдаленных монастырей славится своей добротой и строгой жизнью нестарая еще инокиня Ксения.

При монастыре построен приют для калек, за которыми присматривает мать Ксения.

Особенной любовью ее пользуются высокий стройный юноша с красивым, но бледным и строгим лицом аскета и совсем молоденькая девушка с всегда закрытыми глазами и внимательным чутким лицом, таким обычным у глухонемых.

По целым дням ходит по старому саду инокиня Ксения и что-то говорить юноше и с тревожной пытливостью смотрит ему в глаза и ждет ответа..

И не спит она, и ни на минутку не оставляет их без попечения и присмотра.

Худеет инокиня с каждым днем, тяжелый кашель разрывает ей грудь, а слезы — частые гостьи на ее впалых, потухших глазах. Но неутомима она и сильна духом, не поддается тоске и недугу, хоть говорят, что в миру она богато и беззаботно жила...

БРИГ
«УЖАС»

«На берегу Большеземельской тундры найден сгнивший остов парусного брига. На корме сохранились две буквы: «Уж...»

(Из газет).

I.

Таинственные явления.

Сначала Пулковская обсерватория, а за нею и другие наблюдали с самого начала года странные, никогда никем еще не описанные, явления. Кроме ученых, следящих за бесконечным простором междупланетного океана в огромные телескопы, к небу издавна стремятся взоры всех людей. Неудивительно поэтому, что в деревнях и в селах люди пожилые, а в лесах охотники, привыкшие доверять звездному небу больше, чем часам и компасу, заметили на луне какие-то зеленоватые вспышки. Они следовали одна за другою через короткие промежутки, и было их всего девять.

Так как год был високосный, то старики и старухи, услыхав об «огнях на месяце», решили, что быть неурожаям и пожарам во всей их округе. На этом и успокоились и, как положено от Бога, по заветам дедов и прадедов, терпеливо ждали всякой беды и напасти.

Те же вспышки наблюдались и в обсерваториях Европы, где их насчитали не девять, а целых двадцать, хотя пока не знали о них больше, чем охотники, принесшие такую новость в деревни, и древние старики, сделавшие свои мрачные предсказания.

Правда, что в обсерватории университета один студент, упражнявшийся в изучении состава небесных светил по испускаемым ими лучам, совершенно случайно навел на пол-

ную луну объектив спектроскопа и при яркой вспышке на мертвом спутнике земли в составе его лучей обнаружил присутствие железа.

На другой же день в газетах, куда проникли известия об открытии студента, появились сенсационные статьи под заглавием: «Обстрел луны», «Таинственные снаряды на луне», «Нападение селенитов» и другие заголовки, не менее заманчивые и крикливые. В этих статьях авторы пытались доказать два положения. Одни говорили, что так как луна — светило, совершенно остывшее, и на нем не может быть вулканических извержений, то вспышки происходят от удара о поверхность луны железных снарядов, кем-то бросаемых на луну. Другие авторы склонны были допустить, что существа, живущие внутри коры мертвой планеты, где еще могли сохраниться следы теплоты, мечут при помощи каких-то орудий снаряды в сторону земли.

Поднялся ожесточенный спор, и полемическими статьями были наполнены все газеты.

Ученые молчали. Большинство из них не доверяло наблюдению студента, и открытие железа в таинственных вспышках на луне приписывали его неопытности и просто ошибке.

Однако около каждого телескопа с того времени был установлен и спектроскоп, но вспышки на луне прекратились, и ученые тщетно ожидали случая изучить природу этих таинственных явлений.

Пока астрономы, разбираясь в полученном наблюдателями материале, строили свои догадки и вырабатывали новую теорию, случились происшествия, заставившие общество позабыть о таинственных вспышках на луне.

В Архангельск с сильным креном на правый борт пришел лучший промысловый пароход «Двина» под командой опытного штурмана Семена Гавриловича Настюкова.

«Двина» лет пять тому назад прошла вокруг Европы из Англии, где ее строила знаменитая Гальстингская верфь. Пароход был двухтрубный, типа морских ледоколов, устойчивый и сильный, не боящийся даже значительных полярных льдов.

Стальной корпус «Двины» и ее могучий тупой нос много раз сталкивались с льдами, и всякий раз победа оставалась за пароходом, несшим в своих трюмах большой груз трески и ворвани.

Под стать отличному судну была и команда. Она была набрана самим Настюковым, а уж он за время своего плавания по Ледовитому океану узнал немало бесстрашных и опытных моряков и приглядел себе команду на диво.

Неудивительно поэтому, что, выходя в море, шкипер всегда улыбался и говорил:

— Нас всего пятнадцать человек, а мне так вот и кажется, что у нас на «Двине» сто пар дюжих рук!

Вот почему, когда в городе узнали, что к пристани, сильно дымя, тащится «Двина» с креном направо, весь город выбежал на берег.

Когда пароход ошвартовался, все заметили, что палуба судна обгорела, а на корме потрескалась и вспузырилась краска.

— Ну, помиловал Бог! — широко крестясь, сказал Семен Гаврилович. — Дошли! А дело было — табак! Большое бедствие терпели...

Но больше этого ни он и никто из команды «Двины» ни словом не обмолвился.

На все расспросы старший боцман, Трофим Нерпа, молодой, дюжий помор, скалил белые зубы и отвечал:

— Вот ужо! Отрапортуется штурман в портовой конторе, — тогда, может быть, что и порасскажет.

А Настюков в это время стоял перед портовыми чиновниками и, развернув карту Ледовитого океана, водил по ней пальцем и говорил:

— Зашли мы на этот раз далеко за Вайгач. Треска шла лавой и уходила к северу, мы ей и пошли наперерез. Улов был удачный. Всю посуду заняли, ворвани вытопили полный груз и, убравшись, тихим ходом, не спеша, шли домой. Только вышли мы из Югорского Шара, нам навстречу большой парусник попался. Давно я такого не видел. Не наш, видно. Он чего-то вертелся на горизонте, близко не подходил, а тут нас, как на беду, хватил шторм. Неладно от него,

верно, паруснику было. Совсем исчез он из виду. Трепал нас шторм, должно быть, часов пятнадцать и унес в Хайпудырскую губу, вот сюда...

Шкипер нагнулся над картой и, показав отмеченный черной точкой островок, продолжал:

— Думается мне, что верстах этак в 100-110 от Югорского Шара лежит этот остров. Низкий берег его едва поднимается над водою, и только вдоль островка идет каменистая гряда. Все это я разглядел в бинокль, когда думал, не укрыться ли мне здесь от шторма. Но море здесь, видно, было мелкое, да и рифов я побоялся. Положил я руль на левый борт и вышел на прежний румб. Вот тогда впервые это и случилось...

Семен Гаврилович перевел дух, затянулся дымом трубки и начал опять говорить:

— Отошел я миль на семь от островка, как вдруг откуда-то донеслось сначала легкое, чуть слышное стрекотанье, потом громкие, короткие стуки, а затем что-то со звоном ударилось в палубу и затихло. Мы бросились туда, и на носу увидели большую круглую дыру.

— Снаряд? — спросил меня боцман.

— Я не знал, что ответить, так как не понимал, откуда мог очутиться здесь снаряд. Кругом на горизонте не было видно ни дыма, ни паруса. За все время нашего плавания мы встретили только большой парусник да двух парусных норвежцев, а от берега нас отделяло море более чем на 100 верст. Но изумляться и раздумывать долго не пришлось. Из машинного отделения прибежал кочегар и сказал, что в трюмах показалась вода, и слышно, как она течет снизу, у носовых шпангоутов. Пока мы чинили пробоину и прежним ходом шли из Хайпудырской губы, прилетел второй снаряд. Он пробил трубу, придясь наискосок, и упал в грузовой трюм, где с треском разорвался, разбив десять бочек ворвани и сделав брешь в правом борту. В трюме начался пожар. Мы не могли потушить ворвань, которая, загоревшись, текла дальше и дальше, грозя сжечь весь корабль. Спасло нас то, что в брешь,— когда мы вышли из губы, и нас начала настигать морская волна, — хлынула вода, и го-

рящий жир всплыл на поверхность моря. Мы подвели брезентный пластырь, но выкачать воды так и не могли, и вот...

Подойдя к окну, шкипер указал рукой на покачнувшиеся вправо трубы и мачты «Двины».

— С большим креном шли и чуть-чуть добрались, — сказал Настюков. — Не в том беда, конечно. Войдем в док и починимся. Нехорошо то, что команда сильно напугана. Списываются с борта, не хотят в другой раз встречаться с чертовщиной.

Подумав немного, он закончил:

— А как же не назвать чертовщиной того, что случилось? Никак не объяснить этого! Что нас пробило? Почему мы не нашли осколков снаряда? Что могло так сразу поджечь ворвань? А тут еще этот профессор...

— Какой профессор? — спросил, подходя к шкиперу, один из чиновников.

— Досадно даже говорить! — вдруг рассердился Настюков. — Я сразу, тогда же знал, что нам не повезет в это плавание! Вышли мы в море из Архангельска, и вдруг навстречу нам попался парусный баркас. На руле и у парусов поморские рыбаки. Машут флагом. Дал я тихий ход. Поравнялись они и кричат: «Бумага вам из Петербурга!» Застопорили мы машину, опустили трап. Из баркаса к нам поднялся господин. Молодой еще, высокий и красивый. Показал нам свои бумаги. Оказалось — от академии его послали изучать Ледовитый океан. Он ушел на баркасе в море, а мы-то в это время и снялись. Он на берегу не успел с нами сговориться... Один человек — не помеха, даже веселее — все же новый человек, ну, и взяли мы его...

— Мы знаем о профессоре Самойлове, — сказал чиновник: — и очень беспокоились за него: думали, что утонул. Только через месяц рыбаки нам донесли, что на «Двине» он ушел.

— Вот профессор все молчал, а когда у нас начался пожар, покачал головой и сказал: «Я его нашел! Это он творит бессмысленное, безумное зло!» И больше ничего не говорил, только смотрел в бинокль и много-много писал...

Ответив на заданные ему вопросы и подписав свой рапорт, шкипер откланялся и ушел.

В тот же день в портовую контору был вызван и профессор Самойлов.

Между ним и портовыми властями произошел очень короткий и многозначительный разговор.

— Вы профессор Василий Власович Самойлов? — спросили его.

— Да! Я командирован в северные воды Академией Наук, — ответил, отказавшись от предложенного ему стула, ученый. — Надеюсь, что вам это доподлинно известно из телеграмм Академии и Географического Общества. Вам угодно знать мое мнение об аварии «Двины»? У меня имеется определенное решение этого вопроса, но это послужит темой для моего доклада в Петербурге, куда я отправляюсь сегодня с вечерним поездом. Я могу добавить, что я совершил за последние пять лет несколько переходов по Ледовитому океану и что искал здесь причины многих явлений, обративших на себя внимание ученых. Это почти все, чем я пока могу поделиться с вами. В заключение позволю себе дать вам совет объявить опасным для судоходства ту часть Хайпудырского залива, которая находится в 100 верстах от южной оконечности острова Вайгача и в 60 — от острова Долгого.

На все дальнейшие вопросы профессор отказывался отвечать, ссылаясь на предстоящий доклад Академии и Географическому Обществу.

О случившейся необычайной аварии рыболовного судна «Двина» пошли донесения порта в разные учреждения, но до Петербурга известия о злоключениях парохода привез профессор Самойлов.

В первый же день своего приезда в Петербург Самойлов посетил почтенного академика, Павла Федоровича Туманова.

Туманов, его жена и сын-студент сидели за обедом, когда прислуга подала карточку Самойлова.

— Василий Власович! — бросился навстречу входящему академик. — Наконец-то!

Они крепко обнялись и расцеловались. Когда после первых приветствий все уселись за стол, вдруг наступило тягостное, неловкое молчание. Все чувствовали, что настал жуткий момент вопроса и еще более страшное ожидание ответа.

Первая заговорила жена Туманова. Прерывающимся голосом, в котором дрожали слезы, она спросила:

— Есть ли хоть какая-нибудь надежда? Не нашли ли вы следов нашей несчастной Нины?

Самойлов в глубоком волнении встал из-за стола и сказал, отчетливо произнося и разделяя каждое слово:

— Я ничего не знаю о Нине... ничего... но я нашел *его*, и теперь ему не уйти от нас. Я видел своими глазами бриг «Ужас».

Все в изумлении уставились на говорившего.

— В Ледовитом океане, к югу от Югорского Шара, есть остров Безыменный, в 80-ти верстах от Больше-Земельской тундры. Туда скрылся Яков Силин...

— Он может жить повсюду, зная наш секрет! — вздохнул старик.

— Силин живет и творит свое неправое дело! — сказал Самойлов. — Он по-прежнему бессмысленно вредит людям. Но вот послушайте все по порядку.

И профессор рассказал Тумановым о своем плавании на «Двине», о встрече с парусным судном и о событиях в Хайпудырской губе.

Когда он окончил свой рассказ, старик пригласил его к себе в кабинет и, достав из ящика какое-то письмо, протянул его Самойлову.

Письмо было от друга Павла Федоровича, скандинавского ученого, ботаника Ларса Сванборга. Ученый просил Туманова помочь ему изучить одно явление, наблюдающееся в течение последних лет.

Деревянные рыбачьи шхуны, занимающиеся ловлей сельди, трески и китобойным промыслом между Шпицбергеном и Беринговым морем, почти все погибли, придя в норвежские порты. Они сгнили, а их обшивка, палуба, мачты и даже паруса превратились в студенистое бурое вещество.

Исследованиями удалось установить, что шхуны привезли откуда-то плесень, съедающую дерево. Одна из шхун остановилась в Варангер-фьорде, около деревни Тайноне, и вскоре все хижины деревушки и церковь были уничтожены плесневым грибом.

Ботаник писал дальше, что плесень эта напала на людей, и правительству пришлось отделить кордоном целый береговой округ, пораженный завезенной из страны вечных льдов ужасной неведомой болезнью.

— Я просил Сванборга прислать мне маршруты путей, по которым плыли эти шхуны, — сказал Туманов: — и я узнал, что все они шли через Югорский Шар. Не знаете ли вы что-нибудь об этой плесени? Если это наш гигантский пласмодий — тогда все понятно...

Самойлов, ничего не говоря, вышел в прихожую и принес маленький дорожный саквояж. Он вынул черную коробочку и, открыв ее, показал академику целый набор стеклянных трубочек, на стенках которых раскинулись пятна белой жирной плесени.

— Это — пласмодий! Мой пласмодий! — воскликнул Туманов, закрывая лицо рукавом.

— Терпение! — сказал Самойлов. — Теперь недолго уже. Час мести настал.

Он глубоко ушел в кресло и почти шепотом произнес:

— Как я его ненавижу! Там, среди льдов, под немолчный шум суровых, тяжелых волн я видел преступное лицо Силина. Когда все на пароходе замирало, я звал его! Я ждал, что увижу его плывущим навстречу мне... Я клянусь вам, что я бросился бы за борт, и тогда наступил бы час последнего решительного боя!.. Но я видел в течение нескольких минут лишь его судно...

Профессор замолчал, но тотчас же встал и начал ходить по кабинету, хватаясь за голову.

— Боже правый! — шептал он дрожащим от сдерживаемых рыданий голосом. — Ведь уж почти пять лет, как я не видел Нины. Пять лет! Жива ли она, любимая, желанная?!

Громкие рыдания прервали его слова, и Самойлов быстро покинул кабинет.

II.

Экспедиция «Грифа».

Через полгода из Петербурга вышел отлично снаряженный пароход «Гриф», несший на мачтах и корме два флага — русский и норвежский. Все ученые общества обеих стран приняли участие в новой северной экспедиции. Целью ее было исследование причин замечаемых за последнее время болезни и вымирания рыб и промысловых морских животных Ледовитого океана.

Штурманы рыболовных шхун рассказывали, что около полуострова Ялмала были замечены стаи рыбы, быстро подвигающейся к востоку, несмотря на то, что в это время года рыба обыкновенно шла на запад к северным берегам Скандинавского полуострова. Другие, зашедшие еще восточнее, шхуновладельцы и рыбаки попали на меридиане «Островов Уединения» в полосу океана, покрытую трупами мертвой рыбы.

На льдинах виднелись слабые, очевидно, издыхающие тюлени и моржи, а стаи чаек и орланов носились над этим медленно плывущим кладбищем.

Экспедиции было поручено также обследовать острова, лежащие в Хайпудырской губе, составить карту и описание их природы.

На своем борту «Гриф» вез известных своими путешествиями и учеными трудами профессоров Туманова, Сванборга и Самойлова. Пароход экспедиции не был вооружен артиллерией, хотя бравый командир крейсера, отставной морской офицер Любимов, заупрямился и не захотел расстаться с скорострельной пушкой Гочкиса, стоящей на капитанском мостике.

Переход от Петербурга до Архангельска сделали быстро. Заходили только в Тромзе, где у английской компании «Джон Смойл энд Берри» запаслись кардифским углем, нагрузив им все трюмы и боковые обшивочные камеры.

Последняя остановка «Грифа» была в Варде, где должны были принять на борт двух норвежских боцманов, знакомых с северными водами. В Варде в это время года на рейде обычно бывает совсем пустынно, так как шхуны, паровые баркасы и даже шлюпки, которые поустойчивее, уходят на лов, пользуясь тем, что сельдь появляется всего в десяти милях от материка.

Когда же «Гриф» от мыса Норд-Капа взял курс на Варде, начали попадаться сначала отдельные шхуны, а затем и целые флотилии мелких судов.

— Это только после отчаянного шторма шхуны сходятся, подсчитывая свои потери, — заметил командир парохода. — Но ни барометр, ни телеграф не указывали на такой шторм!

Когда же «Гриф» был уже в виду Варде, все так и ахнули.

— Да нам здесь и не протолкаться! — крикнул капитан Любимов.

И действительно, весь рейд был занят стоящими на якорях или у бочек шхунами, паровыми баркасами и широкими, как лохани, парусниками старого типа. В открытом море, цепляясь за брошенные якоря, трепались рыбачьи суда со свернутыми и покрытыми клеенкой парусами и одинокими фигурами вахтенных у штурвалов.

— Ума не приложу! — разводил руками командир. — Что-то стряслось у них, верно!..

Только Сванборг печально покачивал седою головой и, поворачиваясь к Туманову, сказал:

— Верно, опять эта болезнь напала на рыбу. Боже мой! Снова целые округа будут голодать!

Пока высказывались различные догадки, «Гриф» тихим ходом вошел на рейд и, бросив якорь у правого входного створа, подал сигнал сиреной.

Вскоре подошла шестивесельная шлюпка, и из нее поднялись на палубу шкипера, старые морские волки.

На них набросились с расспросами о причине такого сбора судов в Варде.

— Беда! — сказали они. — Миллионы рыб всплыли на поверхность моря. Десятки миль водного пространства по-

крыты гниющей треской и сельдью. Никто не знает, что за причина, но бедствие ужасно, голод и крахи неминуемы. Уже две богатейшие фирмы прекратили вчера платежи. Хуже же всего то, что большинство рыбаков разорено навсегда. Их деревянные суда превратились в какую-то бурую, зловонную слизь. Они гниют, распадаются и заражают все кругом этой проклятой болезнью! Половина команд хворает — их свезли вот на то судно. Оно прислано правительством для карантина.

Рассказывающий об этом шкипер указал пальцем в юго-западный угол рейда, где виднелось большое белое судно с черным флагом на грот-мачте.

— Умирают уж люди!.. — добавил другой шкипер и вздохнул.

— Что за напасть такая? — воскликнул командир «Грифа». — Да ведь раньше я об этом никогда не слыхал! Чтобы в одну кампанию судно могло сгнить — да где это видано?

Не сходя на берег, командир по беспроволочному телеграфу снесся с властями в Варде и, не получив от них никаких новостей, вышел в море.

В Архангельске простояли пять дней, грузили провизию, ездовых собак и скот и при свежем восточном ветре на всех парах пересекли Белое море по курсу на мыс св. Нос.

Около южной оконечности острова Колгуева, по приказанию Туманова, на «Грифе» были остановлены машины и спущены шлюпки с различными приборами. Все чаще и чаще попадались большие скопища уснувшей рыбы. Когда несколько штук было доставлено на палубу, Сванборг и Туманов осмотрели их. Трупы были покрыты беловатой слизью и легким, едва заметным пухом плесневого налета.

— Это пласмодий... — сказал Туманов, взглянув на своего ученого друга.

— Не думаю... — попробовал было возразить скандинавский ботаник.

Академик однако сразу же прервал его и заметил:

— Троньте рукой эту рыбу! Вы чувствуете — она горяча? Это только пласмодий с такой быстротой пожирает свою жертву и, переваривая ее, выделяет столько теплоты.

Экспедиция занялась вопросом, на какую глубину опускаются зародыши плесени, в какой степени развития они находятся и сколько их.

Делая промеры и производя многочисленные пробы, «Гриф» медленно подвигался в сторону Югорского Шара.

— Вы утверждаете, что это пласмодий? — спросил однажды вечером, подойдя к Туманову, Сванборг. — Но ведь пласмодий, это — простейшее существо, от которого путем дальнейшего развития появились и другие организмы, и давно уже в своей первоначальной форме вымерло на нашей планете?

— Так думали, — сказал академик. — Мне удалось найти его зародыши в трещинах самых старых каменных углей, добываемых с большой глубины. Там, в недрах земли, они притаились и пережили тысячелетия. Я их призвал к жизни, изучил их страшную силу, заставил размножаться с необычайной быстротой и мечтал...

— Мечтали? — спросил Сванборг. — О чем?

— О счастии человеческом... — вздохнув, ответил ученый. — О том, чтобы заставить пласмодий из врага превратиться в друга. Я хотел... Не пусть лучше расскажет вам об этом профессор Самойлов. Он так много работал с покоренным пласмодием.

Все собрались около молодого ученого.

— Если поместить в земле отбросы городов, трупы животных или растений, каменный уголь, опилки или валежник, — начал свой рассказ Самойлов: — и засеять в такой земле зародыши пласмодия, то он, пожирая эти остатки, согревает почву и удобряет ее. В северных широтах, благодаря работе пласмодия, могут расти и зреть такие растения, родина которых знойная Индия; можно снимать по три урожая в год, а одно зерно пшеницы даст колос в 350 зерен.

— Почему же ученые ничего об этом не знали? — с недоумением в голосе спросил Сванборг. — Ведь это — величайшее открытие века!

— Да, — согласился с ним Самойлов и, нагнувшись к самому уху скандинавского ученого, начал шептать: — Это ве-

личайшее открытие моего учителя, мечтавшего об облегчении суровой жизни на земле, сделалось кошмаром его жизни. Я боюсь рассказывать, боюсь, чтобы Туманов не услышал.

Сванборг взял молодого профессора под руку и увел его на ют. Здесь они оперлись о борт парохода, и Самойлов рассказал мрачную историю возрождения пласмодия и открытия способов его применения для земледелия.

— Когда Туманов добыл зародыши пласмодия и получил первые колонии этого полугриба, полуплесени, — мы устроили огород на небольшом академическом дворике, мы перерыли в одном углу землю, перемешали ее со всяким сором, опилками и обрывками коры, сложенными дворниками около поленниц дров. Когда затем были приготовлены грядки, мы засеяли на них зародыши пласмодия. Ожидали мы с большой тревогой, бегали на наш огород чуть ли не каждую минуту. А надо вам сказать, что на дворе был декабрь, и морозы стояли ужасные. Один из ассистентов, Яков Силин, вбежал однажды к нам и крикнул:

— Пар идет от гряд!

— Мы бросились на двор и увидели, что от гряд действительно поднимается густой пар и опадает на землю тяжелой изморосью. Мы измерили температуру земли: она оказалась нагретой до 30 градусов. Туманов нам сказал тогда:

— Я не ошибся. В наших руках находится пласмодий, ужасный гриб, пожравший в прежние геологические эпохи гигантские леса, покрывавшие почти всю нашу планету. Это он подтачивал стволы плаунов и гигантских древовидных папоротников, а они падали в реки и озера, сносились водою в глубокие долины и, покрываясь слоем песку и глины, медленно сгорали, превращаясь в каменный уголь. Теперь мы посеем на наших грядах рожь и горох!

— Мы очень удивились, так как думали, что посеянные зерна немедленно будут съедены пласмодием. Однако Туманов велел нам перерыть еще всю землю и, бросив щепотку какой-то соли, полил гряды водою.

— Теперь, — сказал он: — пласмодий впадет в состояние бездеятельности. Он будет лишь переваривать поглощенную им пищу, удобрять и нагревать землю.

— Так и случилось! — воскликнул Самойлов. — Через десять дней в 25-градусный мороз из земли поползла трава. Ее бил и сушил мороз, но зеленые части растений неудержимо тянулись кверху. Тогда мы покрыли наши гряды рогожами, и этого было достаточно для того, чтобы рожь заколосилась, горошек быстро отцвел и дал стручки...

Самойлов вздохнул и умолк.

— Что же дальше? — спросил Сванборг.

— Особенно много занимался открытием Туманова его ассистент Силин. Как раз во время этих работ он сделал предложение Нине, дочери Тумановых. Она сначала согласилась, но потом отказала Силину, и он, считая меня виновником своей неудачи, заразил меня пласмодием. Сделал он это тогда, когда я спал и не мог сразу принять меры к борьбе. Он скрылся потом, захватив с собою несколько трубок с пласмодием, и с той поры мы Якова Силина не видали.

— Что было с вами? — спросил слышавший рассказ профессора командир.

— Я хворал три года и два раза за это время был на краю гибели, — ответил Самойлов. — Меня спасла поездка в Египет, где я целое лето лежал под знойным солнцем Африки.

Однако голос молодого профессора звучал грустно, а норвежец, тихо прикоснувшись к его руке, спросил:

— Извините за любопытство! Вы женаты?

Самойлов быстро отошел от перил и несколько раз прошелся по палубе.

— Нет, господин Сванборг! Я не женат...

На этом разговор их прекратился; норвежский ученый не решался задать еще один вопрос, а Самойлов угрюмо смотрел на небо и следил за черной тучей с белыми разорванными краями, ползущей по небу. Оба чувствовали себя неловко. Из этого затруднения вывел их резкий порыв ветра, заставивший вздрогнуть весь корпус судна.

— О, какой свежий ветер! — воскликнул Сванборг. —Полярные воды долго не остаются спокойными...

Новый порыв заглушил его слова, а вслед за этим раздались сверху пронзительный свисток и громкий голос одного из боцманов:

— Крепить снасти! Подтянуть тали у шлюпок!

На палубе послышались топот ног, новые свистки и глухой гудок парохода.

Ветер был с кормы. Море уже почернело, и на верхушках поднявшихся волн зловещими пятнами забелели пенистые гребни. Они догоняли судно и, ударяясь о корму, словно зубами впивались в его черную железную обшивку. Пароход вздрагивал и с жалобным скрипом резкими прыжками подвигался вперед, то взбираясь на самые вершины волн, то стремительно скатываясь вниз.

Все попрятались в нижние помещения; по палубе гуляли волны, перекатываясь с кормы до самого носа. На капитанском мостике стоял в непромокаемом плаще командир, всегда шумный и возбужденный, и, смотря в бинокль, говорил находившемуся тут же Туманову:

— Слева от нас должен быть огонь! Там — Колгуев и деревня Иоланга, где находится старый, еще не упраздненный маяк. Но я не вижу огня... Что это значит?

Он приказал дежурному матросу позвать норвежских боцманов. Они подтвердили, что в Иоланге всегда горит огонь, и что теперь они его тоже не видят. Надвигая на глаза свои кожаные шапки, они с недоумением всматривались в туман и на едва заметный на севере высокий, изрезанный берег большого острова.

Они пожимали плечами, изредка перекидываясь короткими замечаниями.

— Шлюпка на море! — крикнул штурвальный.

Действительно, черная точка с левой стороны от «Грифа» то появлялась, то исчезала среди водяных гор. Всякий раз, когда лодка стремительно проваливалась в пучину, всем наблюдавшим за нею казалось, что она уже не выплывет, но черная точка снова выносилась на гребень волны и, мелькнув на одно мгновение, опять исчезала.

Хотя уже смеркалось, люди, сидящие в лодке, не могли не заметить парохода. Он густо гудел и завывал сиреной, оставляя в воздухе длинную и черную полосу дыма.

В бинокль можно было разглядеть, что в шлюпке было трое людей. Сидевший на руле оглянулся на идущий сзади пароход, и тотчас же на шлюпке подняли косой парус. Лодка, как чайка, понеслась по волнам, перелетая с гребня на гребень и зарываясь носом в пену. Помогая ветру, торопливо взмахивали весла.

— Они убегают от нас! — с недоумением сказал один из норвежцев.

— Это совсем непонятно! — пожал плечами командир «Грифа».

— В этих широтах нет контрабандистов. Не пираты же они в самом деле! Ведь нападать на промысловые суда в такой посудине — глупо.

Подумав немного, он решил что-то и скомандовал в машинное отделение:

— Полный ход! Все по местам! Готовься к маневру!

— Курс по шлюпке! — сказал он, повернувшись к штурвальным.

— Есть! Курс по шлюпке! — повторили те.

С каждым поворотом винта пароход настигал убегающую лодку.

«Гриф», взяв под ветер, обошел ее и вдруг застопорил машину.

Командир в рупор крикнул, перегнувшись через парапет мостика:

— Убери парус и лови конец!

Заслышав приказание, трое людей, сидевших в шлюпке, спустили парус и, переложив руль на правый борт, подошли к «Грифу» и ловко поймали брошенный им линек.

III.

Встреча с бригом «Ужас».

На «Грифе» в кают-компании за столом сидели командир судна, Туманов, Сванборг, Самойлов и оба норвежских боцмана.

Взятые на борт люди не внушали к себе доверия и не возбуждали симпатий. Злобные лица их, искаженные дурной усмешкой, и косящие, бегающие глаза заставляли догадываться, что в жизни этих загорелых, коренастых людей было много мрачных страниц.

— Вы кто такие? — спросил командир.

Они быстро переглянулись, и один из них, казавшийся более пожилым, ответил, сильно картавя:

— Морские люди мы, мореходы, значит...

— Чем промышляете? — допрашивал командир.

— Рыбу промышляем, нарвала гоняем, моржа бьем, господин.

— Как тебя звать?

— Никифор...

— Ведь не на этой же шлюпке мотаетесь вы по океану? — спросил старший боцман.

— Знамо, нет! — ответил, ухмыляясь, допрашиваемый.

— Вы с какого судна? — продолжал выведывать командир.

— С большого... — нагло смеясь, сказал Никифор.

— Лясы не точи, дело докладывай, если линьков с десяток не хочешь! — крикнул, ударяя кулаком по столу, командир. — Н-ну!

— Нам, господин, ничего не велено сказывать! — глухим голосом ответил Никифор. — Скажем только: ежели касатку встретишь, — знай, и кит тут где-нибудь поблизости... Мы что? Мы — касатки.

— Ладно! — угрюмо произнес командир. — Ни разу не бивал я у себя на борту людей. А ты попробуешь, видно. Заговоришь тогда, да, гляди, не поздно бы было!

— Как вашей милости будет угодно, — пробормотал тот. — А только мы ни при чем...

— Посмотрим! — прервал его командир. — А зачем от Колгуева шли? Там теперь рыбы нет!

— Живой груз возили... Человека на берег доставили.

— Человека? Какого человека? — спросил Туманов.

— Женщину... — неохотно ответил Никифор. — А как доставили, на маяке смотритель огонь погасить велели. Вас заприметили. Боялись — в Иолангу пойдете!

Самойлов поднялся и подошел к говорившему:

— А сколько дней из Хайпудырской губы шли вы сюда на «Ужасе»?

Никифор умолк и потупился:

— Нам ничего не известно...

— Линьков! — скомандовал командир, и матросы схватили Никифора и его товарищей, рослых парней, с лицами, до самых глаз заросшими всклоченными бородами.

Никифор молчал, а остальные бормотали что-то и брызгали слюной, стараясь освободиться из дюжих рук матросов.

— Что они говорят? — спросил Самойлов.

— Они оба немые, господин! — пояснил, мрачно вскидывая на профессора глаза, Никифор. — Языки у них отрезаны...

Допрос длился еще долго, так как от наказания взятых на борт людей решено было отказаться.

Никифор не проронил более ни слова. Он уставил глаза в палубу и молчал. Двое немых бессвязно бормотали глухими, гортанными голосами, дрожа и кланяясь.

— Отпустите их! — сказал Туманов. — Все равно от них ничего не добьетесь!

— Черт с вами! Убирайтесь вы к своему киту и скажите, чтобы он не встречался с Федором Любимовым, а не то попробует он моего Гочкиса.

Неуловимая усмешка мелькнула по лицу Никифора, и он, низко поклонившись, пошел к борту, махнув рукой своим товарищам.

Когда все вышли на палубу, море тонуло в густом мраке, и, невидимые уже, метались и ревели волны. Где-то на горизонте мигнул огонь. Зеленоватая вспышка его едва была заметна. Через несколько мгновений все услышали, что над «Грифом» с визгом и шипением пронеслась ракета, оставляя за собою огненный след. Другая и третья ракеты пронизали мрак, и одна из них с треском разорвалась за кормой парохода.

— По судну стреляют! — воскликнул капитан Любимов. — Погасить баковые огни и огонь на фок-мачте! Сидорчук, к пушке! Господа, — обратился он к членам экспедиции: — я попрошу вас удалиться в каюты.

В приготовлениях к возможному бою никто не заметил, как шлюпка Никифора, подняв парус, отошла от «Грифа», и как ее тотчас же поглотил мрак.

Выстрелы больше не повторялись, и море кругом было совсем пустынно.

«Гриф» шел без огней. Сидорчук, опытный и меткий канонир, оставался у пушки; у штурвального колеса сменялись норвежцы, а командир не сходил с мостика.

Когда к нему поднялся Самойлов, капитан Любимов с большим неудовольствием отнял бинокль от глаз и повернулся в сторону ученого.

— Профессор, — сказал он строго: — я ведь вас просил оставаться в каютах. Здесь бой, — и здесь уж наше дело!

— На море никого нет, — возразил Самойлов. — Ваш невидимый враг ушел!

— Нет, — покачал головою Любимов. — Я — старый моряк, и у меня есть чутье. Оно мне подсказывает, что опасность очень близка от «Грифа», и я чувствую ее приближение...

— Капитан, — сказал Самойлов: — все члены нашей экспедиции поручили мне просить вас взять курс на Колгуев. Мы хотим знать, кто был свезен отпущенными нами людьми на остров. Это может многое объяснить нам.

Лицо Любимова, обычно такое веселое и добродушное, сделалось темным и злым.

— Простите! — произнес он глухим голосом. — Мое судно было обстреляно, и я должен найти и наказать виновного.

— Он, вероятно, гораздо сильнее «Грифа»... — заметил Самойлов.

— Если вам угодно, я дам вам восьмивесельный вельбот, и вы можете покинуть судно. Но я знаю, что мне делать...

— Вы погибнете... — попробовал подействовать на решение командира профессор.

— Милостивый государь! — сказал, отчеканивая каждое свое слово, Любимов: — прошу вас не вмешиваться в распоряжения командира судна и немедленно отправляться в свое помещение!

Самойлов, видя всю бесполезность убеждений, повернулся и начал сходить с мостика. Он был уже на половине лестницы, как вдруг вверху раздались быстрые шаги Любимова и его тихий окрик:

— Готовь пушку! Курс на запад!

— Есть! Курс на запад! — так же тихо, словно эхо, повторил приказ штурвальный.

Самойлов сбежал на палубу и, прижавшись к стене каюткомпании, начал наблюдать.

Над морем повис тяжелый, непроницаемый мрак. Даже седые гребни ударяющих в борта «Грифа» волн не выделялись из темноты. На небе не было ни одной звезды.

Однако сквозь плеск волн и свист ветра до слуха Самойлова доносились какой-то шум и гудение. Порой ему казалось, что в темноте что-то маячит, большое и призрачное, и мчится вперед прямо на него.

— Он опять скрылся... — послышался тихий голос Любимова, и капитан начал по-норвежски объяснять шкиперу: — Я его видел слева на меридиане Иоланги. Большой трехмачтовый парусник... Все паруса были поставлены, и шел он бешеным ходом... А теперь пропал, словно в воду канул...

— Может быть... пират? — заметил норвежец. — Хотя о таких крупных разбойниках здесь никогда не было слышно.

— Черт его знает, кто он! — выругался Любимов. —Только пусть он лучше бросится на меня, а не пропадает так... сразу.

Ветер понемногу стихал, и небо начинало светлеть. Тучи мчались еще, но там, где они прорывались, виднелся уже туманный, дрожащий свет луны.

Когда лучи ее упали на море в миле к северо-западу, Самойлов увидел на фоне светлого неба черные паруса и узкий корпус судна, накренившегося на левый борт и быстро режущего воду.

— Парусник идет на нас! — крикнул он, поднимая кверху голову.

— Есть! — ответил вахтенный матрос, и все стихло.

Черное судно быстро приближалось. Уже видна была высокая волна, вскидываемая его острым носом, и длинный кормовой флаг, полощущийся в воде. Судно шло без огней, и по ходу его нетрудно было догадаться, что оно намерено пересечь путь «Грифа».

— Полный ход! — скомандовал вдруг громким и уверенным голосом командир. — Руль прямо! Готово?

— Есть! — ответил голос Сидорчука. — Готово!

— Пли!

Один за другим три гулких выстрела грянули над палубой и озарили мгновенными вспышками борт и бьющиеся за ним волны.

Набежали тучи, и опять густой мрак окутал все. Судно исчезло, и не слышно было игры ветра в его парусах и плеска воды у носа.

— Стоп! — раздалась команда, и «Гриф», постепенно умеряя ход, начал вздрагивать под ударами волн, бьющих в корму.

После выстрелов все выбежали на палубу, но не увидели уже парусника. Начались расспросы, но их тотчас же прервал посланный капитаном вахтенный матрос, передавший приказание командира немедленно отправиться в каюты.

Приказ был исполнен, и только спрятавшийся в тени Самойлов остался на своем прежнем месте, почти у самого борта.

На капитанском мостике Любимов вполголоса совещался норвежцами.

Слова не доносились до Самойлова, и он, не видя ни зги впереди, задумался, опершись о тумбу для причалов.

Очнулся он от ветра, пахнувшего ему в лицо, и странного шума, раздавшегося рядом с бортом.

Гигантская черная тень, чернее мрака, медленно надвинулась и остановилась.

Профессор поднял голову и высоко над собою увидел паруса и верхушки трех мачт.

Несколько черных теней, казавшихся призраками в туманной ночи, забегало вдоль ставшего рядом с «Грифом» большого парусника, и железные крючья багров, как когти хищной птицы, вонзились в борт парохода.

Самойлов услышал резкий, тревожный свисток и взволнованный голос Любимова, вызывающего всю команду на палубу.

Одновременно с этим приказанием откуда-то из темноты раздался властный окрик:

— Ни с места, если не хотите пойти ко дну! По какому праву напали вы на моих людей и стреляли по мне? Я — командир брига «Ужас».

На высоком мостике, помещенном почти на самом носу брига, сразу вспыхнули факелы.

Четверо матросов в желтых непромокаемых плащах и надвинутых на глаза капюшонах освещали стоящего у самых перил человека. Он был без плаща и стоял с непокрытою головою.

Длинные с сильною проседью волосы обрамляли красивое бледное лицо. Глаза незнакомца были мрачны и неподвижно смотрели прямо перед собою. Казалось, что эти глаза были мертвы. Тонкие руки стоящего на мостике человека впились в перила с какою-то жестокостью, а может быть, отчаянием.

— Я — командир брига «Ужас», — повторил он и вдруг улыбнулся горькой, жалобной улыбкой.

— Вы — Яков Силин? — сказал, подходя вплотную к борту, Самойлов.

— Силин?.. — будто недоумевая, не глядя на профессора, спросил он. — Да, так, кажется, меня когда-то звали. Но теперь я — командир «Ужаса», и сам я — ужас... ужас земли. Я — титан, полубог!

Он поднял вверх руку и обвел ею широкий круг.

— Я кинул огонь и разрушающую силу взрыва на мертвую подругу нашей планеты — луну, — продолжал он. — Я отравил живым ядом океан и людей и сделаю все моря, все воды мертвыми, как мертва моя душа. Замерзший камень я могу превратить в цветущий сад и полную кипучей жизни пучину океана — в огромное кладбище!

— Яков Силин! — крикнул ему Самойлов. — Что сделали вы с Ниной Тумановой? Если она мертва — кара неба не минует вас!

Наступило молчание. Слышно было, как падали угольки факелов, и шелестели развеваемые ветром плащи матросов.

Силин заговорил. Голос его был нежен, как напев, и вздрагивал от волнения:

— Нина... Нина... Нет! нет!.. Она жива... Если бы она умерла, я уничтожил бы все человечество! Проклятые, мерзкие черви, трусливые и злобные! Но я все делал, что она хотела... Я был, как бог, могущественный, не знающий преграды.. И она не любила меня! Ни разу не приблизила она меня к себе, ни разу не узнал я ее мыслей и надежд... Пусть же теперь она идет туда, к этим паукам, червям и змеям! Пусть!, пусть! Не пожалела она меня, не пожалела человечества. Между ним и мною теперь смертельный, последний бой. Командир брига «Ужас» объявил войну!..

Он резко свистнул, и тотчас же погасли факелы, и в густом мраке лишь маячили паруса и мачты брига, похожего на гигантский, кошмарный призрак.

Неслышно сняли невидимые люди крючья с борта «Грифа», и парусник, рванувшись, быстро пошел вперед, черный, без огней, и легкий, как видение.

— Курс на Хайпудырскую губу! — скомандовал Любимов, и пароход двинулся следом за бригом, уже скрывшимся в темноте.

Ночью Силин два раза позволил «Грифу» настигнуть себя. Бриг останавливался, а потом медленно и молчаливо обходил пароход, словно дразня и вызывая его на бой, и опять уносился в даль, оставляя за собою тревогу и смутное предчувствие беды.

Вся команда с ружьями и топорами была спрятана за бортом парохода, так как командир ожидал нападения, и только тогда все успокоились, когда из-за туч блеснули первые, еще неяркие, лучи солнца. На море нельзя было разглядеть ни мачт, ни парусов брига.

— Будто привидение стояло сегодня возле нас и кружилось около «Грифа», — заметил, понуря голову, утомленный капитан. — Если еще это повторится — на корабле возникнет паника.

— Парус с правого борта! — раздался крик матроса с мачты.

Часа через два навстречу «Грифу» попался парусный китобойный баркас «Альма». Посигнализировав судну, Любимов выяснил, что «Альма», под командой шкипера-датчанина, идет в Европу и зайдет за водою и дровами в Иолангу.

— Попросите судно остановиться и принять пассажира до Колгуева! — сказал Самойлов.

— Вам угодно покинуть «Гриф»? — спросил с презрением в голосе командир.

— Да! Я отправляюсь в Иолангу, капитан! — сухо ответил профессор.

Любимов, не взглянув на Самойлова, крикнул:

— Шлюпку на воду!

С парохода видели, как «Альма» приняла на борт профессора, и когда шлюпка вернулась, «Гриф» двинулся на восток.

IV.

Мрачные следы брига.

Бриг Силина исчез, но за ним шел мрачный след. К вечеру «Гриф» вошел в полосу мертвой рыбы. Острый нос парохода резал тысячи уснувшей трески, а под ударами винта тела погибшей рыбы превращались в зловонное месиво. Среди погибшей трески и гниющей сельди попадались трупы нарвалов и тюленей.

— Взгляните туда! — воскликнул, указывая на запад, Туманов.

Насколько хватал взгляд, море превратилось в плавучее кладбище и казалось покрытым снегом.

— Рыба успела уже замерзнуть, — сказал командир. — Это неудивительно! Ночь была свежая.

— Это — пласмодий! — возразил академик. — Это он белой, серебристой плесенью, как пухом, покрыл погибших животных, а над ними теперь поднимается легкий пар. Пласмодий быстро и жадно пожирает свои жертвы.

— Здесь гниет груз доброй полусотни паровых барж, — заметил Любимов. — Норвегия и Швеция будут голодать!

— Хуже всего то, что вся эта рыба, — воскликнул академик: — будет разнесена волнами по океану, выкинута на берег и станет заражать все, что попадется на ее пути. Надо убить пласмодий... убить во что бы то ни стало!

— Но как это сделать? — спросил Сванборг.

— Капитан, — обратился Туманов к командиру: — на «Грифе» есть запас нефти?

— Есть на случай недостатка угля или вообще твердого топлива, — ответил Любимов.

— Велите поднять бочки на палубу и вылить за борт, — распорядился старый ученый.

Вскоре по волнам побежали радужные пятна и расходились все дальше и дальше.

Когда мертвая рыба осталась позади, и «Гриф» шел пол-

ным ходом, раздался тревожный сигнал сирены.

В кают-компании в это время обедали, а потому тревога вызвала переполох и суматоху.

Первым выбежал на палубу и вихрем взлетел на мостик сам командир.

— Что? Опять подходит? — спросил он, тревожно оглядывая безбрежный водяной простор.

— Никак нет! — ответил матрос. — Только вот там чернеются в море люди. Я спервоначала думал — нерпы плывут, а потом головы разглядел человечьи.

Любимов долго смотрел в бинокль, а потом сказал:

— Мертвые тела за бортом! Подойдем — увидим, кто такие?

Когда «Гриф» поравнялся с ними, застопорили машину, и трое матросов вошли в спущенную шлюпку. Они баграми и крючьями зацепили и подвели к борту «Грифа» три трупа.

— Зарезанные они! — пояснили матросы.

Когда трупы были подняты на палубу, все переглянулись. Они узнали Никифора и двух его немых спутников. Воротники их рубах были расстегнуты, а в нижней части шеи, там, где она переходила в грудь, виднелись треугольные отверстия. Глаза убитых были открыты, и в них застыл страх, последний в их жизни, смертельный страх. Когда откинули плотно надвинутые на головы капюшоны плащей, даже Любимов не мог сдержать крика.

Волосы несчастных были сбриты, и на темени каждого, на вздувшейся и распухшей коже виднелись зловещие черные пятна.

— Это — клейма! — крикнул, отшатнувшись от трупов, старший боцман.

Действительно, на сожженной и потрескавшейся коже виднелась кроваво-черная надпись:

«Бриг “Ужас”».

Все стояли, подавленные виденным, и не произнесли ни слова, только взгляды всех невольно искали на тускнеющем уже море новых следов зловещего брига. Лица бледнели при мысли, что вдруг из сумерек вынырнут паруса и мачты судна, управляемого злобным, ненавидящим все живое,

человеком. Все думали о том, что ожидает их при встрече с бригом, и с напряжением искали выхода из опасного положения.

Только командир и норвежцы казались спокойными.

Они тихо совещались о чем-то и изредка указывали на море.

— Федор Павлович! — сказал, подходя к Любимову, Туманов: — мы не скроем от вас, что нас страшит возможная встреча с Силиным. Мы вас просим доставить нас в Колгуев, откуда мы будем в состоянии вызвать для нашей охраны более надежное судно, чем «Гриф».

— Господа! — прервал его командир: — я вас прошу пройти в кают-компанию. Я сейчас спущусь туда и надеюсь, что вы согласитесь со мною и пойдете на мои условия.

Через несколько минут он сошел с капитанского мостика и, подойдя к трапу, ведущему в кают-компанию, подозвал матроса и приказал ему никого не выпускать из пассажирского помещения.

— Есть! — ответил матрос, глядя вслед спускающейся вниз могучей и грузной фигуре командира.

Любимов застал всех в сборе.

— Господа! — сказал он без обычной улыбки. — Не скрою, что моему судну грозит большая опасность. Скажу больше: «Гриф», вероятно, идет на верную смерть. Поэтому понятно, что я должен быть решительным. Я не буду медлить — мне некогда! Долг мой, как всякого моряка, встретившего пирата, — поймать его и выдать в руки правосудия. Так сделаю и я! «Гриф» идет в Хайпудырскую губу и дойдет туда! Если я не захвачу командира парусника — я или погибну, или же узнаю его постоянную стоянку, куда приведу потом военное судно. Таков мой курс, господа, и если вы позволите себе сопротивляться мне или при команде говорить о страхах и прочем вздоре, я выброшу вас в море. Господа, я считаю, что вы отныне получили предостережение, и буду поступать так, как мне предписывают закон и обстоятельства.

Приложив руку к козырьку фуражки, Любимов спокойно вышел.

V.

В Хайпудырской губе.

Командир «Грифа» проявлял необычайную энергию и неутомимость. Он почти не спал, оставаясь все время на палубе, совещаясь с норвежцами и делая какие-то приготовления.

Когда «Гриф» прошел уже мыс «Русский Заворот» и был на меридиане «Гуляевских Кошек», Любимов заметил на горизонте парус.

Он встревожился, вызвал на палубу норвежских боцманов и двух старых матросов. Они вынесли на палубу какие-то мешки и опустили их в воду, прикрепив на баграх к борту парохода.

Тревога однако была ложной. Белевшийся вдали предмет оказался не парусом, а ледяной горой. «Гриф» вошел в ту часть Ледовитого океана, где в это время года встреча с айсбергами не была редкостью.

Борясь со льдами и лавируя среди ледяных пиков и сплошных полей, «Гриф» медленно подвигался в сторону острова Долгого.

Обогнув его в 25 милях от берега, Любимов вошел в Хайпудырскую губу и застопорил машину.

— Вам, быть может, угодно сойти на берег? — спросил он у проходившего по палубе Туманова. — Я бы, возвращаясь с «Безыменного Острова», зашел за вами.

— Я спрошу Сванборга, — ответил ученый и, вернувшись, заявил: — Профессор Сванборг и я намерены плыть на «Грифе» до окончания им рейса.

— Отлично! — коротко сказал Любимов и крикнул в машину: — Полный ход вперед!

Пароход быстро входил в закрытый и сравнительно с бурным морем спокойный залив.

Когда вода изменила цвет и из синевато-зеленой сделалась буро-желтой, что обозначало начало мели, «Гриф»

тихим ходом подползал к поднимающемуся из-за горизонта острову.

Мель однако неожиданно исчезла, и брошенный в темную пучину залива лот с 100-саженным линьком до дна не дошел.

«Безыменный Остров» был как на ладони. Вдали виднелась изрезанная зубцами цепь гор, а на плоский берег взбегали волны.

— Вперед! — скомандовал Любимов. — Через час мы будем на острове.

«Гриф» однако не двигался, хотя из трубы его валил клубами черный дым.

— Механик! — крикнул командир в машинное отделение: — полный ход вперед!

— Машина не работает, капитан!— сказал, выходя на палубу, механик. — Все золотники, парораспределение, цилиндры и поршни, словом — все в порядке, а машина не действует.

— Ничего не понимаю! — крикнул командир. — Вы пьяны, или смеетесь надо мною?

— Никак нет, капитан! — возразил механик. — Машина действительно остановилась, и я принужден выпустить пар, так как боюсь, что он разорвет котел. Остановилась не только машина, но часы и манометр, капитан!

Любимов бросился к компасу. Стрелка была неподвижно устремлена на юго-восток и даже не вздрагивала от легкого покачивания судна на волнах.

Взглянув на свои часы, командир сказал:

— Да... да... догадываюсь... С проклятого острова на нас направили электрические волны. Они намагнитили стальные части машин, и мы не можем двинуться вперед, если не захотим взорвать на воздух весь пароход... Или, может быть, это случайное явление? — Механик! — приказал он: — мы повернем в море... Будьте наготове! Поднять кливер!

Матросы закопошились у бушприта, завизжали блоки, и вскоре на носу взвился косой парус. «Гриф», подхваченный спереди ветром, быстро повертывался кормой к ост-

рову, и когда маневр был окончен, Любимов приказал пустить в ход машину.

Мерно застучал вал, и пароход начал двигаться в сторону выхода из бухты.

— Руль на правый борт! Полный поворот на прежний курс! — скомандовал капитан; но лишь только нос «Грифа» стал поворачиваться, машина смолкла, жалобно засвистел пар, и заскрежетали поршни в наполненных паром цилиндрах.

Из машинного отделения и пароотводных труб повалили клубы пара, а судно остановилось, изредка покачиваясь на волнах.

Никто не решался подойти к командиру.

Любимов, всегда такой веселый и приветливый, был мрачен. Он не выпускал из руки револьвера, готовый, в случае неповиновения или опасности, броситься навстречу врагу.

Командир ходил по мостику и злобным взглядом осматривал видневшийся вдали остров.

Когда Любимов принял какое-то решение, он сошел вниз и, созвав на ют всю команду, объявил:

— Скоро ночь, и нельзя идти вперед, потому что мы не знаем этого моря. Однако черт меня возьми, если я не дойду до этой проклятой землишки! Ночью ставить вахты почаще! Смотреть в оба и, как только что заметят, бить тревогу немедля!

Сказав это, Любимов впервые за последние дни пошел в свою каюту и, не раздеваясь, бросился на койку.

Около полуночи тревожные свистки на палубе, топот ног и крик у двери его каюты разбудили его.

— Что там такое? — крикнул он вестовому, натягивая на себя теплую куртку.

— Стреляют... стреляют... — стуча зубами, ответил матрос. — Беда...

— Дурак! Трус! Подлая собака! — загремел Любимов и, оттолкнув насмерть перетрусившего вестового, бросился на палубу.

Море было темно, и густой мрак висел над водою.

— С ума они посходили, что ли? — пробормотал сквозь зубы Любимов.

Где-то далеко, как будто слабый отблеск зарницы, по небу скользнуло светлое пятно и погасло. Одновременно с этим командир услышал ворчание и громкое уханье. Не оставалось сомнения, что приближается снаряд. И он действительно пронесся между мечтами, оставляя за собою длинную полосу светящегося и удушливого дыма. В полуверсте от «Грифа» снаряд разорвался со страшной силой. Высокий столб внезапно вскинувшейся под нависшие облака воды и огня взметнулся кверху и встал из густого мрака, как зловещий огненный призрак. Издалека примчалась волна, подняла судно на своем пенистом гребне, стремительно бросила его куда-то вниз и ушла, маяча и клубясь в темноте.

Еще и еще, снаряд за снарядом проносились над «Грифом».

Каждый из них ложился все ближе и ближе. Уже брызги рассыпающихся при взрывах водяных столбов окатывали палубу судна, и Любимов, приказав приготовить шлюпки, ожидал снаряда по «Грифу». Но невидимый бомбардир, очевидно, играл с неосторожным и назойливым противником. Он обрушивал на палубу парохода целые потоки студеной и соленой воды, забрасывая его рвущимися и грохочущими снарядами со всех сторон.

После двух, а, может быть, и трех часов обстрела «Грифа» снаряды начали летать с грозным уханьем и каким-то лязгом во все стороны. Они уносились в темноте, поднимались к небу, оставляя за собою, словно улетающие с земли давно упавшие на нее звезды, длинный, ярко очерченный след, и пропадали.

Когда над далеким островом погасли злобные вспышки зарниц, поднялся ветер и погнал перед собою волны. Пошел снег большими хлопьями, свирепела буря, и впереди не было ни зги.

Стоящие на вахте матросы не выпускали сигнальных рожков из рук и напрасно протирали залепляемые снегом глаза, стараясь что-нибудь разглядеть. Мачты, палуба и море —

все исчезло, все слилось с мраком, в котором что-то металось и мчалось, грозя и пугая.

— Капитан, — сказал, подходя к Любимову, механик: — мои кочегары и машинисты требуют повернуть нос парохода в открытое море и дать полный ход отсюда, где нас ждет гибель...

— Вы не имеете права делать такие заявления командиру судна! — оборвал его Любимов. — Потрудитесь спуститься в машинное отделение и ждать приказаний.

— Слушаю... — пробормотал механик, быстро сбегая по ступенькам, ведущим с капитанского мостика.

Через несколько минут перед капитаном выросла грузная, коренастая фигура старшего кочегара. Это был мрачный, черный и всегда злой матрос, неизвестного происхождения и национальности, но опытный и чрезвычайно выносливый моряк.

— Меня послали мои товарищи к вам, капитан, сказать... — начал он и осекся, когда к нему подошел Любимов.

— Ну? — спросил он и пригнулся, как бы готовясь к прыжку.

— Мы, вы знаете сами, капитан, от работы не бегаем, — продолжал кочегар: — но мы боимся и этого острова и здешних вод. Мы требуем сейчас же уходить отсюда, если же вы не согласитесь, мы сами сделаем это...

Сдавленный крик вырвался из горла кочегара.

Командир, схватив его одной рукой за шею, другой обнял его и, тряхнув, со всего размаха толкнул от себя. Грузное тело, колыхнувшись, поднялось на воздух, ударилось о край висящего над водою мостика и рухнуло в бьющиеся у бортов «Грифа» волны.

Только вахтенные и штурвальные видели это и с ужасом сторонились, когда мимо них проходил угрюмый, сразу постаревший и сгорбившийся Любимов.

Он долго ходил по мостику. Тяжелые думы, такие обидные и назойливые, мучили его. Никогда в жизни он не предполагал, что ему придется встретиться в этих пустынных морях с неизвестным противником, побеждающим его, оставаясь невидимым и недосягаемым. Он, исколесивший

весь мир, избороздивший весь грозный, полный непредугадываемых опасностей Ледовитый океан, старый и опытный моряк, чувствовал себя совершенно побежденным и обессиленным. И перед ним там, на неизвестной отмели, был враг, а он с своим «Грифом» стоял на одном месте, словно скованный по рукам и ногам человек.

Это был кошмар, злой сон, безжалостное наказание, жестокая мука.

И вдруг Любимов закричал тонким, пронзительным голосом, в котором звучала бессильная злоба и какое-то надрывное отчаяние:

— Люди к орудию! Люди к орудию! Огонь по острову!

— Есть! — отозвался вахтенный и свистнул.

Боцман повторил сигнал, и около пушки выросли три быстрые тени. Они копошились, перебегали с места на место, гремели затвором орудия и железными носилками для снарядов.

— Готово! — послышался голос от пушки.

— Беглый огонь! — тем же надрывным голосом скомандовал Любимов и, озаряемый багровыми вспышками выстрелов, стоял, всматриваясь расширенными глазами в густой мрак, и кричал, взмахивая, как крыльями, широкими полами плаща.

Он напоминал печальную черную птицу, и голос его был тревожным криком летящих поздней осенью журавлей.

При вспышках выстрелов на мгновение освещались гребни волн и седое, вспененное море.

Любимов, смотря туда, где был неизвестный остров, не видел, как, вскинутые на верхушки валов, одна за другой скрылись в темноте две шлюпки.

Он долго стоял, перегнувшись через мостик, и кричал:

— Огонь! Беглый огонь!

Любимов не слышал того, что орудие давно уже смолкло, а когда оглянулся, то не увидел ни вахтенных, ни штурвальных.

Он с изумлением протер глаза и крикнул в пространство:

— Свистеть боцмана!

Ему ответил порыв ветра, заставивший качнуться весь корпус «Грифа». Целый дождь тяжелых и крупных капель холодной воды брызнул на него, волна ударилась о корму и, перевалившись через борт, побежала по палубе и сквозь якорные амбразуры вылилась в море. Шуму воды и свисту ветра откуда-то, будто из глубины океана, вторил крик людей. Полный отчаяния, смертельной тревоги и безнадежного призыва, он казался страшным, и даже Любимов не мог его слышать без содрогания. Он заткнул пальцами уши и стоял бледный, потерявший способность соображать и действовать.

Он ждал, что сейчас из-за борта выползут из холодной пучины злые, отвратительные чудища, обхватят его цепкими и мокрыми руками, утащат вглубь проклятой бухты и замучат среди неведомых никому камней и пустынных отмелей.

VI.

Плен.

Любимов вздрогнул и хотел бежать, когда рядом с ним появилась черная тень.

— Останьтесь! — послышался угрюмый, дрожащий от волнения, голос. — Теперь поздно бежать. Вы не хотели уходить тогда, когда я требовал этого. Теперь же вы в моих руках!

— Кто вы? — спросил его, цепенея от невольного страха, Любимов.

— Властитель моря льдов! — торжественным голосом протянула тень. — Властитель земли и всего мира, если бы только я пожелал. Но мне противна ничтожная земля, и постыл мне однообразный, глупо мятущийся и нелепо ползущий куда-то к неведомому концу мир! Я бы мог уничто-

жить всех и все, но я устал... Ненавидеть, только ненавидеть тяжело... А любви нет... нет...

— Вы... — начал Любимов, но тень прервала его и страстно зашептала:

— Я вам все скажу, все... Я велик и могуч!.. Все мне подвластно: бури, грозы и море... Жизнь и смерть несет мой мозг. И было бы на земле великое счастье, когда я отдал бы людям все, чем полна моя душа, чем жил мой ум! Но для этого надо было дать радость сердцу, озарить жизнь мою светом счастья. А где они? Первые вспышки чувства, юношеская любовь моя были осмеяны, осквернены... Для той, которую избрала любовь моя, я был посмешищем, презренным негодяем. И я мстил, я буду мстить!

Человек, стоящий рядом с Любимовым, говорил это странным голосом. Казалось, что говорить не он, но кто-то стоящии позади его.

— Вы — командир брига «Ужас»? — прошептал Любимов.

— Я сам — ужас... — словно сообщая важную тайну, также зашептал тот. — Ужас отчаяния перед ненужной жизнью, ужас злобы и ненависти, ужас презрения...

Он замолчал и стоял мрачный, готовый к неожиданным, внезапным решениям и могучим порывам.

Силин думал о чем-то и, видимо, колебался. Потом он поднял голову и сказал:

— Вас покинула команда. На двух шлюпках они плыли, борясь с волнами, на север, но я перерезал им путь... и...

— Что дальше? — спросил, впиваясь в него глазами, Любимов.

— Они пошли ко дну... — мрачно докончил Силин и пронзительно свистнул.

В разных местах вспыхнули огни, и из мрака выступили фигуры матросов в желтых плащах, освещенные трепетными огнями факелов.

— Вы арестованы! — сказал командир брига «Ужас» и прикоснулся к плечу Любимова. — Почему вы не застрелите меня? — неожиданно спросил он, наклоняясь и заглядывая ему в глаза.

— Не могу! — ответил Любимов. — Не знаю, почему, но не могу!.. Может быть, я боюсь вас...

Силин пожал плечами и крикнул вниз:

— Кто остался на пароходе? Привести всех на бак!

Вскоре на баке стояли Любимов, профессор Туманов, Сванборг и старый боцман. Матросы с брига «Ужас» зорко следили за каждым их движением.

— Господа, вы — мои пленники! — сказал Силин, нервно передернув плечами. — Вы меня можете спросить, почему я не пустил вас ко дну, хотя ежеминутно имел эту возможность? Я не скрою от вас, что у меня самого несколько раз зрело решение утопить вас с вашим пароходом, но в конце концов я пришел к другому заключению. Вы совершите на «Ужасе» переход из Хайпудырской губы до Шпицбергена и будете свидетелями того, что сделали люди с таким человеком, как я!

Он, крепко ступая по палубе, прошелся вдоль бака и вдруг, круто повернувшись на каблуках, вплотную подошел к Туманову:

— Стыдитесь, вы... человек науки! Стыдитесь! Разве я не видел вашей подозрительности, вашей трусости передо мною, всегда вникавшим в природу вещей и явлений? Вы опасались конкуренции, и как вы были рады, когда я увлекся вашей дочерью и забросил для нее науку! Когда же вы окончили свою работу, вы, только вы подсказали ей, что я опасен и способен на все дурное. Я не знаю, что вы еще наклеветали на меня, но вы вселили в любимой мною девушке отвращение ко мне!..

Он отошел от академика и, остановившись в нескольких шагах, смерил его с ног до головы холодным, полным ненависти, взглядом. Потом он низко опустил голову и что-то обдумывал, но через мгновение поднял плечи и выпрямился, словно сбрасывая с себя большую тяжесть, и уже на ходу отдал приказ:

— Вести за мной!

По спущенному трапу все перешли на стоящую у самого борта большую моторную лодку. Она была окрашена в се-

ро-голубой цвет и даже вблизи была похожа на глыбу тающего, потемневшего полярного льда.

Когда все разместились, Силин порывистым движением повернул рычаг — и над головою сидящих захлопнулся железный свод. Тотчас же послышался стук работающей машины, и от быстрого движения винта содрогалось все судно.

— Стой! — скомандовал кому-то невидимому в темноте Силин, и лодка остановилась.

Когда был убран железный свод, глазам присутствующих представилась грозная картина.

Вдали, вскидываемый волнами, плыл «Гриф». Огонь уже вырывался из иллюминаторов и лизал мокрые мачты и снасти, а когда он, высушив их, побежал по реям и стеньгам, из трубы с глухим гулом вырвались клубы освещенного огнем дыма, и все сразу стихло и погасло.

По пустынному заливу бежали лишь холодные волны и бились и шипели кругом.

VII.

На бриге «Ужас».

Еще ночной мрак не рассеялся, и только на востоке прорезалась едва заметная полоса зари, да облака понизу стали светлее и быстрее мчались бесконечными вереницами, когда лодка опять остановилась.

Когда мрак перешел в сумерки, Любимов с носа судна внимательно осмотрел море. Там, где два часа тому назад стоял «Гриф», виднелись широкие паруса брига. Пароход исчез, а парусник уничтожал последние следы его.

Заглушенные расстоянием, слышались далекие, раскатистые взрывы, и кое-где вздымались столбы воды и клубы пара и дыма.

За работой брига следил и Силин. Он приказал зажечь прожектор, и когда яркий белый сноп света побежал по темному еще морю и вдруг нащупал и осветил белые, как крылья лебедя, паруса, на «Ужасе» произвели маневр, и он плавно понесся на сигналь.

В этот миг на носу прогремел выстрел и раздался гортанный, непонятный крик стоящего здесь матроса.

Сбежавшиеся увидели Любимова. Он лежал ничком, собрав в бесформенный ком свое большое и сильное тело, и зажимал рукой кровь, бившую из сквозной раны в шее.

Когда над ним нагнулся Туманов, моряк печально взглянул на пустынное море и едва различимым свистящим шепотом сказал:

— Погубил судно и сам пропадаю...

Это были его последние слова. Он рванулся вперед, уперся обеими руками в палубу и вдруг вытянулся и замер.

Силин подошел к нему, заглянул в угасшие уже глаза и махнул рукой.

С плеском ударилось тело Любимова об воду и скрылось под водою.

Пересадка пленников и команды на подошедший бриг была произведена очень скоро, а лодка, прикрывшись железным сводом, ныряя и выскакивая на поверхность воды, неслась в сторону острова, едва заметного вдали.

Через несколько часов бриг «Ужас» мчался из Хайпудырской губы в открытый океан.

Дул свежий ветер в корму, и бриг поднял все паруса.

Ларс Сванборг вышел из отведенной ему каюты на палубу. Как всякий норвежец, он понимал толк в судах и потому, взглянув на невиданную им парусную оснастку «Ужаса», даже вскрикнул от удивления.

Длинные, прямые и косые, паруса странной формы были наполнены ветром и глухо гудели, словно сердились на подхватывающий их по временам шквал. В туманном воздухе паруса напоминали распростертые крылья гигантской белой птицы, налетевшей на судно.

К удивленному ученому подошел Силин.

— Профессор Ларс Сванборг? — спросил он по-английски, прикасаясь рукой к полам кожаной шляпы. — Вы, конечно, норвежец?

— Да! Я занимаю кафедру биологических наук в Гальтерфосте, — ответил ученый.

— Пройдемте ко мне в каюту, профессор! — предложил Силин. — Я буду просить вас об одной услуге.

По лесенке, устланной желтой кожей вместо ковра, они спустились в носовое помещение и вошли в каюту командира.

Большая, неправильной формы комната, со стенами из матового черного дерева, с тяжелыми резными фризами, была украшена великолепными портретами молодой женщины.

Ее задумчивое лицо с грустными темными глазами и упрямыми, решительными губами смотрело со всех стен. Кисть великого художника занесла эти тонкие черты лица на холст, — в этом не сомневался Ларс Сванборг.

Точно угадывая его мысли, Силин обвел печальным взглядом портреты и тихим голосом произнес:

— Это — дочь профессора Туманова, женщина, отвергнувшая мою любовь и поверившая клевете на меня! Видите, сколько портретов. Их писал гениальный художник. Он был сослан почти к устью Оби и бежал оттуда на челноке туземца. Я случайно крейсировал в то время в лимане этой реки и взял его на борт.

— Где же теперь этот художник? — не мог удержаться от вопроса Сванборг.

— Он... умер! — помедлив, ответил Силин и продолжал: — Я хочу, чтобы вы были свидетелем моего разрыва с прошлым, моего вызова всему миру. Я отдал людям любимую женщину, и любовь моя перешла в ненависть. Я уничтожаю теперь все воспоминания о ней, все изображения ее, все письма, которые она, не желая говорить со мною, писала мне. Я уничтожаю все, все... и если раньше я хотел гибели человечества лишь в порыве отчаяния, под гнетом тяжелой и несправедливой обиды, то теперь мне подсказывает это свободный от оков чувства холодный и ясный ум.

Говоря это, Силин, согнувшись и выставив вперед голову, медленно, как хищный зверь, готовящийся к прыжку, подвигался в сторону самого большого портрета.

Прежде чем Ларс Сванборг мог понять его намерение, Силин с злым криком широко размахнулся и ударил ножом в середину холста. Он с треском разорвался, а нож с каким-то скрежетом резал его и колол.

Силин метался от одной стены к другой, и скоро остались лишь рамы с сохранившимися кое-где лоскутами холста. Обрывки портретов и куски разбитых рам валялись на полу, и по ним ходил Силин с бледным и искаженным внутренней мукой лицом.

Он нажал кнопку, и почти мгновенно вырос на пороге матрос.

— Убрать этот мусор! — крикнул он, но, спохватившись, повторил этот приказ движениями пальцев и рта, как это делают при объяснениях с глухонемыми.

Пока матрос убирал каюту, Сванборг подошел к командиру брига и спросил его:

— Я заметил, что вся команда у вас набрана из глухонемых. Почему это?

Силин одно мгновение колебался, но потом решительным и холодным голосом ответил:

— Раньше этого не было. Я набирал команду для «Ужаса» и людей для моего поселка на острове из беглых каторжан. Но когда она, — Силин указал головой на пустые рамы: — подговорила художника бежать и сообщить, где она находится, я его... словом — художник умер, а людям, за исключением троих, я отрезал языки и проколол барабанные перепонки, чтобы этого не повторилось...

Сказав это, Силин взял большую железную шкатулку, вынес ее на палубу и, подойдя к борту, сказал:

— Здесь глубоко, а дно вязко...

Он поднял над головой шкатулку м швырнул ее в воду.

— Теперь, — воскликнул он: — я свободен!

Силин быстро взбежал на капитанский мостик и отдал какое-то приказание двум немым штурвальным.

— Пойдемте, профессор! — сказал, вернувшись к Сванборгу, Силин. — Теперь у меня к вам просьба!

В каюте он вручил ученому большой портфель и сказал:

— Что бы ни случилось со мною, к вам явится один человек и скажет, что командир брига «Ужас» просит вернуть портфель. Вы сделаете это. Но я не хочу, чтобы вы исполнили мою просьбу бессознательно. В портфеле находятся бумаги с описанием моей жизни, всей жизни, без лжи, без прикрас! Описание жизни человека великого ума, трагического злодея, преступника, опасного всему человечеству; в этих же бумагах находится изложение моих изобретений: получения золота из морской воды, передачи электричества на пространство, приготовления убивающих все живое грибов и водорослей и новых, необыкновенной силы, взрывчатых веществ. С их помощью я послал смерть на луну и раскидал ее ядовитые семена по лицу ненавистной земли. Все это я хочу передать другому человеку, а он продолжит начатую мною борьбу с обществом, с его гнилой, убившей душу и чувства людей, культурой. И вы, зная это, вы, Ларс Сванборг, исполните просьбу командира брига «Ужас»!

С капитанского мостика прозвучал удар колокола.

— Начинается открытая борьба моя со всеми народами мира! — воскликнул Силин. — Видите тот остров? Это — Самоедский Чум. Русское имя, но здесь расположена богатая фактория американской компании, занимающейся китобойным промыслом. На нее первую обрушится мой безграничный гнев!

Он взошел на мостик, и его одинокая фигура, с мрачным, горящим местью взором, казалась живой угрозой человечеству. Он долго смотрел на далекий берег, где поднимались облачка дыма, и, подойдя к стоящему на мостике столу, начал измерять расстояние до фактории. Покончив с этим, он нажал несколько кнопок, и тотчас же загорелись разноцветные световые сигналы.

Из трюма выбежали матросы и стали в разных местах.

Прежние сигналы сменились другими, и вскоре с разных мест правого борта с знакомым уже Сванборгу уханьем и

грохотом понеслись таинственные снаряды в сторону Самоедского Чума.

Через несколько минут над всем берегом маленького островка стоял черный дым, прорезываемый по временам жадными всплесками пламени.

Фактория горела, а бриг «Ужас», переставляя паруса, брал курс на Иолангу.

В милях ста от этого поселения поздней ночью Силнн заметил баковые огни какого-то судна. Бриг тотчас же лег в дрейф, и Силин долго и внимательно слушал. Но стука машины он не уловил и решил, что идет парусное судно.

Бриг начал медленно приближаться к судну. Вскоре можно было уже разглядеть, что это — большой парусник, несущий в трюме полный груз и медленно плывущий на запад.

«Ужас» нагнал его очень скоро и встал с ним борт к борту.

На грузовике на вахте стоял лишь штурвальный, а сигнальный матрос, вероятно, спал. Когда из темноты вынырнул высокий нос брига, и когда борт его коснулся борта грузового судна, тревожный окрик раздался с мостика.

— Кто идет? — крикнул штурвальный по-английски.

Вместо ответа на палубу вбежала команда брига. Раздались выстрелы, глухие удары топоров, стоны падающих людей и одинокий сигнальный свисток, сменившийся тяжелым падением человека за борт.

Матросы Силина наглухо заперли все люки и выходы на палубу и оставили несчастное судно.

Последним ушел с него сам командир брига.

Он подошел к Сванборгу и сказал ему:

— Я заразил судно пласмодием и велел поставить паруса так, что судно уйдет обратно на восток. Когда оно выкинется где-нибудь на мель, или его перехватит случайный пароход, забавное зрелище найдут там люди. Бурая гниющая масса из трупов людей и рыбы, из тлеющего и мокнущего дерева будет заключена в разрушающемся корпусе парусника. Пойдут догадки и предположения, создадутся теории о новой болезни или другие бредни в этом же роде... Ха-ха-ха!

Силин долго и злобно смеялся, а потом сказал:

— Профессор! Через несколько часов бриг будет в виду Иоланги. Предупредите ваших спутников, что вместе с вами они будут доставлены на Колгуев. А затем прощайте, мы больше не увидимся. Я же уверен, что Ларс Сванборг — честный человек и исполнить мою просьбу!

Под вечер, чуть только вдали показались верхушки гор над Иолангой и далекий огонь маяка, бриг спустил паруса и лег в дрейф. Восьмивесельный бог с тремя пассажирами и пятью глухонемыми матросами с брига быстро шел к видневшемуся на севере берегу.

На мостике и на всей палубе брига было пустынно, и только на корме развевался белый флаг, окаймленный широкой черной лентой.

Сванборгу показалось, что какой-то бесконечно-грустный, без тени надежды привет был в прощальных колебаниях этого печального флага. Он поделился своими впечатлениями с Тумановым.

Старый академик опустил голову на грудь и тихо шепнул:

— Великое несчастие... Гениальный безумец поднял руку на человечество!

Отчаяние и тревога Туманова сообщились и Сванборгу. Он молчал и с благоговейным страхом и жгучей тоской смотрел на скрывающиеся за отраженными поверхностью моря лучами заката очертания брига «Ужас».

VIII.

Последний бой.

Через несколько дней гребной баркас смотрителя маяка с шестью рыбаками на веслах плыл от Иоланги к большому пароходу, стоявшему в трех верстах от берега.

В баркасе находились Туманов с Сванборгом и профессор Самойлов. Все молчали и с тяжелым чувством смотрели на

молодую женщину с увядшим лицом и неподвижным, мертвым взглядом печальных и испуганных глаз.

По временам женщина тревожно озиралась и, заметив вдали белый гребень волны, вздрагивала и хватала за руку Самойлова.

— Парус... там парус? Это он... — шептала она бледными губами.

Стоявший на руле старый боцман с погибшего «Грифа» старался успокоить ее.

— Не парус это, барыня! — объяснял он. — Волна там барашком идет. Ночью ведь шквал пролетел знатный. Поди, на море много нынче беды понаделал.

В это время они подходили к далеко выдвинувшемуся в море скалистому мысу.

— Там пучина начнется, — сказал один из рыбаков: — а только вы в море дальше рулите, не то запрокинет нас здесь... Вишь, какие буруны бьются!

Действительно, у самого мыса вскидывались и лизали изъеденную водой скалу пенистые, бешено ревущие волны.

Боцман направил баркас в море, прямо на юг от мыса.

Когда они сравнялись со скалой, и пароход был уже близко, женщина, схватившись обеими руками за голову, поднялась во весь рост и с криком упала на дно баркаса.

— Что с тобою?!.. — бросился к дочери Туманов.

Но слова замерли на губах старика.

Из-за мыса, распустив два больших паруса, прямо на них неслась яхта. На белом полотне парусов чернелись слова: «Бриг “Ужас”» и широкая траурная кайма.

— Гребите! гребите! — крикнул Самойлов рыбакам и вынул из кармана револьвер.

— Наддай! — повторил его приказание боцман, и рыбаки, мерно сгибаясь и разгибаясь, начали быстрее вскидывать весла.

Баркас рванулся вперед.

Парусная яхта, маневрируя по ветру, старалась пересечь путь убегающим, но до парохода было уже недалеко.

Всем стало ясно, что баркас спасен, и что яхте не настигнуть их.

Внезапно налетел ветер. Его порывы сделались сильнее и чаще. Пользуясь этим, на яхте подняли новые паруса. Их было так много, что скрылись мачты и снасти. Казалось, что какое-то неведомое морское существо, белое от пены волн, встало и несется над водою.

Яхта не плыла — она летела. Свежий ветер, встретив сопротивление парусов, подхватил судно и понес его. Все чаще и чаще видны были острый киль яхты и далеко выдвинутый руль.

Судно уходило в сторону от баркаса, и только тогда, когда до парохода оставалось не более полуверсты, оно непостижимым маневром сразу перекинулось на другой курс и стало рядом с беглецами.

— Не тревожьтесь! — раздался угрюмый голос Силина, и он вышел на нос яхты. — Я не причиню вам никакого вреда. Я только хочу взглянуть на Нину в последний раз и передать, что я вызываю на бой того, кто оклеветал меня... Самойлова. Я буду ждать.

Новым маневром Силин отбросил свою яхту от баркаса на несколько саженей и, остановившись, убрал паруса и отдался волнам, которые бросали судно, как легкую, беспомощную щепку.

На баркасе воцарилось глухое молчание. Даже рыбаки перестали грести и тревожно поглядывали на господ.

Самойлов был бледен. Он провел рукой по высокому лбу, и глаза его загорелись. Он опустился на колени на дно баркаса и нагнулся над Тумановой.

Она лежала, бледная и безжизненная, в глубоком обмороке, и на ресницах ее блестели слезы.

Тоска и ужас были на ее лице, измученном и исстрадавшемся.

Самойлов молча взял ее руку и прижал к губам.

Потом он поднялся, обвел всех каким-то вопрошающим и словно недоуменным взглядом. Неожиданно, быстрым прыжком вскочив на скамейку, он бросился в воду и поплыл к яхте.

И тотчас же другой человек кинулся ему навстречу.

Это был Силин.

Он далеко закидывал руки и, рванувшись, бросками поплыл к Самойлову.

Встреча их была коротка, как вспышка молнии, и так же бесследно пропали в морской глубине эти схватившиеся друг с другом враги, как исчезает на темном небе прорезавшая его огненная стрела...

Лишь воронки заплясали и закружились на поверхности океана, да всплыло и сразу же исчезло большое багровое пятно...

Недавно случайно попавшие на остров Долгий промышленники нашли занесенные песком и истлевшими водорослями обломки разрушенного корабля.

На почерневшей и расколотой доске они прочли надпись:

«Бриг “Ужас”»...

ГРЯДУЩАЯ БОРЬБА

Завтрашняя повесть

I.

Два инженера.

Это случилось давно.

Лет через сто после казни последней суфражистки.

Ее тогда возили по всем городам мира и для позора выставляли в прозрачном ящике для всеобщего обозрения на площадях. Это жуткое предсмертное путешествие было окончено в Париже, на площади Согласия, и, казалось, вековая борьба за права женщины-человека и гражданина завершилась не в пользу женщины.

Была ночь, темная и безлунная.

На высоком помосте, украшенном цветами, дорогими коврами и пестрыми материями, был водружен стеклянный ящик, к которому стеклись толпы праздного и жестокого народа. Люди усеяли своими хищными телами решетку Тюльери, пьедесталы угловых статуй, старые каштаны и клены Елисейских полей в ожидании казни.

По сигналу невидимого распорядителя на площади погасли все фонари, и только стеклянный ящик был освещен розоватым светом, ласковые лучи которого озаряли бледное лицо и исхудавшую фигуру пожилой женщины со строгими серыми глазами и крепко сжатыми губами.

Подали газ.

В страшных корчах начало извиваться это измученное и затравленное тело, а через мгновение стало исчезать так же бесследно, как исчезает утренний туман с поверхности озера, когда на горизонте медленно начинает вставать солнце.

От того позорного дня прошло сто лет, и за это время европейские народы исполнили свою высокую историческую задачу. Они уничтожили все народы Азии, мечтавшие о владычестве над миром.

Какой-то ученый подал совет заразить территорию Азии зародышами гигантского плесневого грибка. В течение очень короткого времени плесень покрыла весь материк толс-

тым слоем беловато-желтой слизи и пушистых, ползущих все дальше и дальше ростков. Ядовитая плесень уничтожала леса и селения, всасывала в себя реки и озера, убивала людей, въедаясь в их кожу и обвиваясь ядовитыми ростками вокруг сердца.

Уже через пять лет Азия представляла собой пустыню, перерезанную горными хребтами, и в этой жуткой пустыне умирал раскинувшийся на необозримом пространстве слизистый паразит, заражая ядовитым зловонием воздух и пропитывая гниющими соками почву.

Именно в это время и произошли роковые события.

Было лето.

В этот период на Земле ничего не изменилось. Только пустели дворцы промышленных королей, управлявших планетой. Откуда они взялись, никто не знал, и никто не думал сопротивляться им. Они были могущественны, а стеклянные ящики — место казни для недовольных и протестующих — высились на площадях больших городов.

Недалеко от Петрограда, на одном из озер, с утра наблюдалось большое оживление.

Вокруг построенного на одинокой скале великолепного замка из гранита и розового мрамора сновали парусные яхты и моторки, нагруженные цветами и гирляндами из зеленых ветвей.

Солнце поднялось уже достаточно высоко, когда из-за горизонта выплыло большое воздушное судно. Оно казалось ослепительно белым в лучах яркого солнца и быстро приближалось. Через несколько минут с громким воем сирены судно скользнуло на желоб помоста, высящийся над замком.

Из аппарата вышел совсем еще молодой, невысокого роста, коренастый красивый человек.

Некоторое время он стоял рядом со своим судном и смотрел мрачными и холодными глазами вниз, на озеро, откуда с лодок и яхт ему махали шляпами и цветами, что-то воодушевленно и громко кричали, широко разевая рты.

— Это английский инженер Джемс Брайтон! — громко закричал штурман большой моторной лодки. — Он изобрел конденсаторы для человеческой энергии, а теперь проекти-

рует постройку тоннеля через центр Земли. Это гений, друзья! Настоящий гений!

Эти слова, сказанные слишком громко и с такой гордостью, что она казалась неестественной, предназначались для сидящего на корме человека, одетого в серый костюм туриста, фамилия которого была Гремин.

— Джемс Брайтон? — повторил он и поднял к глазам бинокль. — Да, я его таким себе и представлял.

— Что ты говоришь? — спросил штурман, которого звали Морис Брабант.

— Нет, ничего! Я разговаривал со своей спутницей, — ответил Гремин. — Послушай, Нина, тебе не надоела здешняя публика?

— Нисколько, — ответила молодая девушка. — Я в восторге! Ничего подобного я не предполагала встретить.

И действительно, зрелище было пестрое и интересное.

Все судно было переполнено женщинами. Это были мотыльки, блестящие, переливающиеся всеми цветами радуги птицы, сказочные восхитительные цветы, то пленительно нежные, то вызывающе дерзкие, благоуханные и яркие. Драгоценные шелковые манто, вышитые золотом и драгоценностями, платья из легких, напоминающих паутину материй; перья невиданных птиц, туфли, усеянные драгоценностями, бесценные ожерелья, броши и серьги — все это сверкало и переливалось, споря блеском и разнообразием оттенков с огнем прелестных, хотя и подведенных, глаз и свежестью капризных ротиков и нежной кожи, слегка тронутой румянами.

Они весело щебетали и говорили пустяки, пересыпая слова стихами и музыкальными фразами, произносимыми нараспев. А Морис Брабант снял шляпу и приветствовал их небрежным движением руки.

— Что делают эти нарядные дамы? — спросил, обращаясь к штурману, Гремин.

— Они прибыли в замок английского инженера за три дня до его приезда, и теперь будут украшать обеды и рауты и развлекать гостей веселыми разговорами, танцами, пением и музыкой.

Моторная лодка подошла к пристани замка. Нарядные женщины выпорхнули на устланный коврами и украшенный цветами помост, не переставая щебетать, и в это время появился владелец замка.

Его бледное, утомленное лицо было холодно, а глаза с разочарованным и презрительным взглядом скользили по прическам и платьям, не останавливаясь ни на минуту.

Вдруг он выпрямился и с удивлением поднял голову. Еще через мгновение он слегка улыбнулся и почтительно поднял шляпу, подойдя к самым сходням и глядя на девушку, оставшуюся в лодке.

— Сударыня, а вы? Разве представители всемирных трестов не удостоятся чести видеть вас в числе своих друзей?

— Простите, сударь, но я туристка! — ответила девушка, с удивлением и смущением глядя на Брайтона.

— Туристка? — протянул с оттенком удивления англичанин.

— Да! Я путешествую вместе с инженером Греминым.

Джемс Брайтон вздрогнул. Его мрачные глаза вспыхнули, и он остановил их на инженере.

— Простите! — сказал он. — Я должен был знать, что такой выдающийся человек находится вблизи моего замка. Я очень рад и поздравляю вас с большим счастьем: быть спутником такой прелестной дамы!

Говоря это, он поклонился и сразу умолк.

— Цель моего приезда сюда, — сказал, вставая, Гремин, — встретить здесь вас всех...

— Уж не готовите ли вы покушение на нас? — улыбнулся англичанин.

— Вы сами не верите тому, что говорите, — ответил Гремин. — Я прибыл сюда со сравнительно мирными намерениями, поскольку, конечно, вы захотите этого. Мне надо говорить с вами, господа.

— Быть может, вы предпочтете переговорить сначала со мной? — спросил, вскидывая на собеседника мрачные глаза, Джемс.

— Если вам угодно, то я к вашим услугам, — сказал Гремин. — Где и когда?

— Когда? — протянул англичанин, обдумывая что-то. — Хотя бы завтра утром, только вот где? Это труднее решить, так как вы, вероятно, будете опасаться посетить мой замок.

— Нет, почему же? — улыбнулся Гремин. — Я буду у вас в вашем замке. Мне это безразлично, лишь бы скорее, так как я тороплюсь.

— Вы храбры! — сухо засмеялся англичанин и взглянул на девушку.

— К тому же я отлично вооружен, — также со смехом ответил Гремин.

— Итак, до завтра?

Брайтон поднял шляпу и молча провожал глазами Нину, изредка встречаясь с нею взглядом.

Лодка поворачивала и шла к другому берегу, поднимая за кормою высокую волну.

Выйдя на набережную, Гремин взял Нину под руку, и они пошли в гору, к гостинице, где у входа их встретил седой величественный старик с яркими детскими глазами.

— Ты видел его, Павел? — спросил он негромко, трогая инженера за плечо. — Ты видел Джемса Брайтона?

— Видел и говорил, — ответил Гремин. — Завтра у меня с ним встреча, а потом с ними...

— Ступай! — прошептал старик, когда они пришли в гостиницу. — Скажи им в глаза, что конец их близок.

— Отец! — тихо проговорила девушка. — Павла могут убить... Я боюсь за него...

— Его защищает знание, — прежним горячим шепотом произнес старик.

— Но если ему даже суждено погибнуть, пусть идет... пусть идет...

Девушка больше не возражала. Изредка она вскидывала глаза на Гремина, а когда он вышел на веранду, она догнала его.

— Это опасно? — спросила она, кивнув на видневшийся вдали замок.

— Не знаю, — ответил он. — Но вот что, Нина. Мне показалось, что ты смутилась, встретившись с Брайтоном, да

и на его лице я видел странную улыбку удивления, так не идущую к его мрачным глазам.

— Я сама не знаю! — сказала она, медленно произнося слова. — Мне кажется, что я встречала его. Когда я в Балтиморе оканчивала медицинскую школу, в клинику принесли юношу с раздробленным плечом и сломанной рукой. Это был молодой ученый, производивший исследования новых взрывчатых веществ. Лицо Джемса Брайтона напомнило мне о том случае...

— Значит, я не ошибся, — заметил инженер, и они вернулись к старику.

Когда пробило девять часов вечера, Гремин поднялся и пошел в свою комнату.

II.

Призрак смерти.

Гремин быстро вошел к себе и открыл небольшой черный футляр, стоявший на окне.

Он достал из него аппарат, напоминающий телефонный прибор, с помещенным впереди матовым стеклом.

Гремин сел к столу и, приложив трубку к уху, нажал кнопку.

Внутри аппарата раздался еле слышный треск и легкое шипение; потом все смолкло, а на доске появилось изображение.

Огромная зала с колоннами из белого мрамора и с лепным потолком освещалась люстрой из длинных кристаллов горного хрусталя, аметистов, бериллов и аквамаринов... Посредине бил фонтан, разбрызгивающий струю на растущие вокруг растения. Под гигантскими пальмами, широко раскинувшими перистые листья, стояли длинный стол из красной яшмы и семь кресел, крытых мягкой серебристой кожей.

В зале было лишь два человека.

Джемс Брайтон, поддерживая под локоть пожилого, толстого человека с красным лоснящимся лицом, ходил по зале. Оба молчали.

Наконец, толстый человек заговорил. Голос у него был хриплый и злой.

— Зачем и здесь ты хочешь совещаться о делах?

— Молчи, Ганс, — ответил англичанин. — Произошло важное событие... Скажу больше, нам, кажется, угрожает опасность.

— Нам грозит опасность? — переспросил Ганс. — Разве может она нам угрожать?

— Да! — нетерпеливо прервал его Джемс. — Но об этом тогда, когда соберутся все.

Они ходили молча, занятые каждый своими мыслями, пока в зале не собрались все гости Джемса Брайтона.

Когда они уселись, спокойно, но пытливо глядя на хозяина, англичанин встал и обвел присутствующих мрачным взглядом.

— Мне приходится начать с извинений, — начал он. — Я пригласил вас провести у меня летние месяцы, отдохнуть от дел и зноя, но обстоятельства требуют от нас глубокого раздумья и почти немедленного решения.

— Что случилось? — послышались сухие и деловитые голоса.

— Поблизости находится русский инженер Гремин, ученик таинственного ученого Русанова, человек, который уже не раз доставил нам немалые хлопоты и огорчения, — произнес, отчеканивая каждое слово, англичанин. — Он хочет говорить с нами.

— Между нами война! — ударяя кулаком по столу, воскликнул молодой бледный Анри Массакрэ, глава хлебного треста. — Нам не о чем говорить с ним, пока мы не победили!

— Чтобы победить, нужно найти их логовище и взять их, — произнес, разглаживая бороду, создатель всемирного мясного синдиката Шублер. — Почему не послушать?

— Нет! — крикнул, вскакивая с места, Ганс. — Зачем переговоры? Эти негодяи достойны смерти!

— Какое средство рекомендует собрание для борьбы с Греминым? — спросил спокойным голосом Брайтон. — Я могу задать этот вопрос, потому что предполагаю решительные требования и выступления русского инженера.

Все молчали. Только Ганс подскочил в кресле и бросил:

— Даю десять миллионов золотом на розыски и арест обоих русских! Десять миллионов!

Брайтон презрительно поморщился и твердым голосом произнес:

— Я не считаю эту меру разумной, потому что не знаю, нет ли, кроме Гремина и Русанова, еще десятков или сотен таких же, как они, людей. Я предложил бы себя в качестве посредника между представителями мировых трестов и синдикатов и русскими изобретателями. Я приложу все усилия к тому, чтобы они перешли на нашу сторону.

— Прошу вашего решения, господа, так как завтра утром у меня встреча с инженером Греминым.

Воцарилось глубокое молчание.

Слышался только плеск фонтана и шелест капель воды, падающих на листья пальм.

Все присутствующие так ушли в свои мысли, что не замечали появившихся на мраморной стене неясных отблесков, быстро скользящих и сливающихся в одно световое пятно.

Наконец, все, кроме Брайтона, наклонились над столом и, вынув банковские книжки, написали чеки. Чеки легли перед англичанином.

— Десять миллионов... пять миллионов... пятнадцать миллионов... — читал вслух Брайтон. — Это на подкуп русского инженера, господа?

Но представители трестов поднялись и, уже спокойно глядя на Брайтона, произнесли:

— На уничтожение Гремина и старого ученого!

Англичанин встал и поднял глаза к верху.

Одно мгновение всем казалось, что Брайтон вдруг что-то вспомнил, но взгляд его оставался неподвижным, и взоры

всех направились в ту сторону, куда инженер смотрел.

Шепот изумления пронесся по залу.

На белой стене ярко мерцали зеленовато-голубые буквы:

«Я принимаю ваш вызов, и хотя в настоящую минуту мог бы скинуть на ваши головы крышу всего здания, я предпочитаю дождаться дня последнего боя. Мои предложения таковы: вы должны уничтожить систему искусственного подбора людей и отказаться от захвата в свои руки жизни человечества. Я жду ответа. Гремин».

Буквы погасли, и в зале стало темнее. Казалось, что жуть повисла в воздухе, и призрак смерти притаился за мраморной колонной. Брайтон оглядывал изумленных гостей, но они молчали, не решаясь произнести приговора, может быть даже, самим себе.

«Я жду ответа!» — загорелась вновь надпись и погасла, а вслед за нею неожиданно рухнула угловая колонна, превратилась в туман и вспыхнула ослепительным огнем, обдав присутствующих нестерпимым жаром.

— Нужны переговоры... — хриплым голосом произнес Массакрэ, потирая холодные руки.

Остальные молчали.

— Итак, вы уполномочиваете меня, господа? — спросил Брайтон.

Все кивнули головами и поспешно покинули залу.

Англичанин остался один, подошел к месту, где была колонна, но не найдя там ни следа от камня, пожал плечами и в глубоком раздумье долго ходил по зале, морща лоб и хмуря брови.

Уже начал алеть восток, когда Брайтон вышел из залы и пошел в спальню, сопровождаемый слугами и дворецким, ждущими от него приказаний.

— На завтра парадный обед и большую воздушную яхту к вечеру! — бросил он на ходу, и глаза его уже по-прежнему мрачно и сосредоточенно смотрели перед собой.

III.

Борьба начинается.

Ровно в восемь часов утра Джемс Брайтон был в кабинете.

Большая, обитая черной кожей комната, с мягкой и такой же черной мебелью и огромными книжными шкафами, была увешана таблицами, картами и чертежами.

Инженер ходил из угла в угол и изредка поглядывал на циферблат часов, висящих над дверью.

Вошел слуга и подал визитную карточку Гремина.

Брайтон кивнул головой и остановился посредине кабинета, повернувшись лицом к выходу.

Когда Гремин вошел, англичанин с любезной улыбкой встретил его и указал рукою на удобное кресло.

— Простите, — прервал молчание гость. — У вас, кажется, была сломана рука?

Брайтон засмеялся, и его глаза радостно блеснули.

— У меня взрывом раздробило левую руку и плечо, но все это уже давно прошло, — сказал он.

Гремин потупился и, помолчав, продолжил:

— Итак, вы уже знаете мои условия, а руководители трестов согласились вести переговоры с нами. На какие же уступки согласны вы идти?

Джемс молчал. По его лицу бродила неопределенная улыбка.

— Я вас слушаю, — сказал Гремин.

— Мне кажется, что вы совершенно не знаете нашего общественного строя в областях производств, на концессиях трестов? — тихим голосом спросил англичанин.

— Я его не знаю, — согласился Гремин. — Но я знаю, что вы разделили человечество на наслаждающихся и на работающих всю свою нерадостную жизнь в первом, втором или третьем ярусах подземелий!

— Вы забыли еще об одном классе современных людей: о мыслителях, работающих всю свою нерадостную жизнь, — негромко сказал Джемс. — Эти люди — мы!

— Мне нет дела до вас! — нетерпеливо прервал его Гремин. — Вы пережитки давно умерших безумцев, вся жизнь которых ушла на накопление золота и богатств. Что же нужно вам? Ведь вы владеете сокровищами всего мира?

Англичанин задумчиво покачал головой.

— Мы хотим создать счастливое человечество, — сказал он.

— Счастливое человечество? — воскликнул Гремин. — Вы заботитесь о человечности, загнав его в подземелья, на глубину семи верст.

— Да, — сказал Брайтон. — Мы хотим регулировать количество населения Земли, хотим создать такой вид промышленности, который бы позволил всем людям пользоваться благами жизни.

Гремин встал. Он был бледен и дрожал от негодования.

— Вы, руководители трестов, так думаете? — спросил он, сжимая кулаки. — Вы издеваетесь надо мной?

— Так думаю я! — сказал с ударением Брайтон. — Что же касается иных, то ими тайно руководят другие, например... я.

— Мы уже давно с Русановым знаем эти способы предоставления всем людям счастливой жизни, — сказал Гремин, — но пока ничего не говорим. Мы боимся, что вы захватите наши изобретения и превратите их в орудия против людей!

Он засмеялся и тяжело опустился в кресло.

— Если мы потомки безумных богачей, то вы, вероятно, потомки революционеров? — улыбнулся Брайтон.

— Нет! Я только всегда думаю, что человечество уже около пяти веков напрасно бьется из-за хлеба и крова. Все это уже давно дало знание! Только наука могла освободить человечество, и она это сделала! Но люди не сознавали и не сознают этого!

Англичанин молчал и внимательно слушал инженера. Когда тот закончил, Брайтон долго ходил по кабинету и что-то обдумывал.

— Вот что я предложу вам, — сказал он, подходя к Гремину. — Вчера вы были на озере с девушкой. Я ее немного знаю. Быть может, она не откажется совершить с нами путешествие по нашим концессиям? Это путешествие позволит нам выяснить многое и обсудить те уступки, которые могут сделать тресты.

— При чем же здесь девушка? — насторожился Гремин.

— Я бы очень вас об этом просил, — тихо сказал Джемс.

— Хорошо, — пожал плечами инженер. — Перед нами слишком важная задача, чтобы стоило спорить из-за вашей прихоти, если только, конечно, моя вчерашняя спутница захочет исполнить вашу просьбу.

— Отлично! — сказал англичанин. — Я провожу вас до гостиницы.

Перед дворцом уже был Ганс.

Он быстро шел им навстречу и был сильно возбужден.

— Это кто с тобой? — грозно крикнул он, поравнявшись с Брайтоном.

— Это мой гость! — ответил англичанин. — И ты это должен помнить, мой друг!

Но Ганс крикнул:

— Это Гремин, проклятый безумец!

Он выхватил из кармана револьвер и, почти прижав его к груди Гремина, сделал три выстрела.

Инженер даже не пошевелился, а пули, рассыпаясь в прах, вспыхивали у его ног, не коснувшись тела.

В следующий миг Джемс двумя сильными ударами свалил на землю Ганса и зашипел прерывающимся от бешенства голосом:

— Глупое животное! Убийца! Трус!

Гремин успокоил Брайтона.

— Мне ничего не угрожает, — сказал он. — Я окружен атмосферой лучей, которые лишь только коснутся какого-то вещества, уничтожают его. Оно распадается сразу и выделяет всю ту энергию, что когда-то пошла на создание вещества.

— Следовательно, вы можете уничтожить все наши здания? — спросил Брайтон.

— Я вас об этом предупредил еще вчера вечером... — ответил Гремин.

Они молча переехали озеро и уже подходили к гостинице, когда Гремин остановился и дотронулся до руки англичанина.

— Я бы просил вас не называть своего имени, — сказал он.

— Почему? Девушка, которая вчера была с вами на озере, слышала мое имя? — спросил, с удивлением пожимая плечами, Джемс Брайтон.

— Да. Но вы встретите здесь старика, который не должен пока знать вашего имени, — уклончиво ответил инженер.

Брайтон молча приподнял плечи.

Их встретила Нина. Увидев Гремина в обществе англичанина, она очень удивилась.

— Позвольте вас познакомить! — сказал, выразительно взглянув на девушку, инженер Гремин, — наш гость, доктор Смайлз, а это моя молочная сестра, Нина!

Когда происходило это знакомство, на веранду вышел старик Русанов.

Его горящие глаза остановились на Брайтоне и, казалось, заглянули в душу англичанина, но, услыхав неизвестную фамилию, он успокоился и пригласил всех в гостиницу.

IV.

В аду.

Через несколько часов, в разгар шумного обеда в замке Брайтона, его воздушная яхта «Орел» легко скользнула с помоста и с тихим гудением, описав огромную дугу, быстро пошла на запад.

Отсутствие хозяина заметили, но на все вопросы никто не мог дать ответа.

Руководители трестов загадочно улыбались. Они знали, что Джемс не теряет времени и исчез куда-то, чтобы действовать и бороться с таинственным врагом.

А в это время воздушное судно уже приближалось к той части Европы, где некогда была Германия.

У окна боковой каюты стояла группа пассажиров. Здесь были Брайтон, Гремин, Нина и Русанов. Внизу мелькали города, соединенные линиями железных дорог, которые служили лишь для перевозки грузов. Иногда судно попадало в сноп света, бросаемого прожектором, и тогда шло, как белое видение, неуловимое и призрачное, унося людей в сторону моря.

На другое утро судно опустилось в местности, покрытой какими-то вышками и целой сетью железных дорог.

— Это главные фабрики железного и стального треста, — сказал Брайтон. — Здесь же расположены каменноугольные копи и фабрики нефти.

Англичанина с большим почетом встречали директора треста.

— Мы хотим спуститься в третий ярус, — приказал Брайтон, когда все они уже находились в кабине подъемной машины.

— Это невозможно, — ответил сопровождающий их директор. — В третьем ярусе бунт литейщиков.

— В третий ярус, сударь! — быстро повернулся к нему англичанин. — Я, кажется, довольно ясно передал вам наше желание?

Кабина начала быстро опускаться. Сквозь стеклянные стены кабины виднелись широкие галереи, расходящиеся в разные стороны.

Они были ярко освещены.

Когда машина остановилась, перед путешественниками открылась короткая галерея, в конце которой виднелось широкое пространство, освещенное желтым светом.

— Как глубоко находимся мы под землей? — спросил Гремин.

— Пять верст, — ответил директор, — но подземелье понижается и достигает глубины семи верст. Вас, вероятно,

удивляет, что здесь сравнительно не ярко и не душно? Это объясняется тем, что по стенам галерей рабочих и жилых помещений проходят охлаждающие трубы с жидкой углекислотой, и сжатый воздух вгоняется особыми насосами в галереи.

— Сейчас, — продолжал директор, — мы увидим чугуноплавильные печи!

На большой круглой площади виднелся ряд кроваво-красных окон, сквозь которые лился зловещий свет от расплавленного чугуна. Около массивных железных дверей копошились люди. Они, как черные тени, мелькали в разных местах, подвозя тачки с углем и рудой, забрасывая их в печи, прочищая решетки топок, с лязгом и грохотом опуская тяжелые двери и выливая ослепительно белый металл в каналы, ведущие к фабрикам стали.

Через ровные промежутки времени из отверстий в печах брызгал расплавленный металл или прорывалась тонкая струя пара и почти касалась обнаженных тел рабочих. Иногда из стен печей, как жала огромных змей, быстро и беззвучно выскальзывали острые ножи и мелькали в воздухе, проходя рядом с грудью только что шагнувшего вперед кочегара или литейщика.

— Что это? — в ужасе воскликнул Русанов.

— Это система рациональной работы, — с легкой усмешкой произнес Брайтон. — Рабочие, благодаря этой системе, привыкают лишь к необходимым движениям и совершают их с точностью и быстротой машины.

— Что же делают те, которые не способны к такому труду? — так же пылко спросил старик.

— Они погибают, — подсказал директор.

И, как бы отвечая на эти простые и жестокие слова, у крайней печи раздался короткий крик, звучавший смертельным ужасом и сразу же оборвавшийся.

Все бросились туда. У самой почти дверцы открытой печи лежал человек. Это был кочегар с загорелым лицом и красными воспаленными глазами. Он умирал. Раскаленный чугун попал ему на грудь; она дымилась, а из-под

огненно-красного, въевшегося в тело комка чугуна виднелась обугленная кожа и окровавленное мясо.

— Он опоздал, — хладнокровно заявил директор треста, — и из контрольного отверстия на него попала струя чугуна.

— Ведь это убийство! — воскликнул Гремин, и в это время из боковой галереи со свистом, криком и завыванием ворвалась толпа рабочих. Среди них были женщины и подростки. Они кричали:

— Трест еще ускоряет ход работ! Сегодня погибло в округе пятьсот человек! Мы не машины!

Увидев директора, который пытался спрятаться за Брайтона, толпа двинулась на него.

— Ты убийца! — крикнул один рабочий и, размахнувшись, пустил в него камень.

Директор отскочил в сторону, и камень глухо ударился в грудь Джемса. Тот пошатнулся, лицо его побледнело, и он упал навзничь.

Нина и Гремин начали помогать ему. С трудом им удалось привести в чувство англичанина, но все-таки усилия их увенчались успехом: Джемс поднялся. Он еще шатался и неуверенно двигал ногами, однако довел всех до подъемной машины и приказал поднимать.

— Я прикажу заманить бунтовщиков в секретную камеру, — сказал, снимая перед Брайтоном шляпу, директор треста. — Эти дерзкие звери задохнутся там.

Он уже схватил в руки трубку телефона, но англичанин одним прыжком очутился около него и оттолкнул от аппарата.

— Если хоть одному из литейщиков будет назначено наказание, вы, сударь, будете иметь дело со мной. Понимаете?

И, не дожидаясь ответа от изумленного директора, он подошел к окну, не глядя ни на кого и чувствуя на себе взгляд ярких глаз старика.

— Я вас не понимаю, — начал вновь директор. — Распоряжением Генерального Совета Директоров на всякое проявление протеста наложены строгие наказания. Я не имею права им не подчиняться!

— Заявите вашему Генеральному Совету, сударь, что я приказал не подвергать этих рабочих никаким наказаниям. Если же вас спросят эти господа, почему я отдал такое распоряжение, заявите им, что вы видели людей, которые могли бы уничтожить все и всех, но не сделали этого из чувства жалости. Эти люди — инженер Гремин и его учитель Русанов...

С этими словами Брайтон лукаво улыбнулся и протянул руку старику, не обращая внимания на перепуганное и растерянное лицо директора.

Гремину не понравилась проницательность англичанина, узнавшего Русанова, и он был настороже, ожидая засады. Однако открытый взгляд Джемса и его приветливость к Русанову скоро рассеяли опасения инженера.

На уровне первого яруса внимание Гремина было привлечено фиолетовым светом.

— Это искусственное освещение, содействующее быстрому росту овощей, фруктовых деревьев и цветов. Здесь под влиянием этих лучей мы получаем до десяти урожаев в год.

— Скажите, у вас и здесь имеется... контрольная система? — спросил с мрачным любопытством Русанов.

— Конечно, и с этой точки зрения она еще более жестока, — ответил Брайтон. — Но не стоит об этом говорить. Это — печальная необходимость. Нам надо очень много разных продуктов, а пока наши инженеры не придумали еще таких автоматов, которые могли бы совсем заменить физический труд человека.

— Зачем? Вы сделали все возможное для того, чтобы население уменьшилось, — сказал Гремин.

— Это правда, — согласился англичанин. — Но с одной стороны, земная кора настолько охладела, что на ней могут созревать лишь злаки и расти деревья. Нам пришлось уйти под землю со значительной частью сельского хозяйства. Подземелья же наши несравненно меньше, чем земная поверхность, вот почему нам так надо торопиться. Кроме того, при той лихорадочной работе, какую вы наблюдали и которая кипит у нас повсюду, мы усиленно питаем

наших рабочих. Немало нужно пищи и разных продуктов для «свободных»...

— Это для вас, директоров и главарей трестов? — спросил Русанов.

— Нет! — возразил Брайтон. — «Свободные» — это освобожденные от работы. Освобождаются же они таким образом: заработавший определенное количество золота в третьем ярусе переводится во второй, если он сумеет заработать новое количество золота и там, он переходит в первый ярус и, наконец, на поверхность Земли, где через три года работы переходит в число «свободных». Вот почему рабочие редко ропщут и по целым годам не покидают подземелий, работают, борясь за счастье попасть в класс «свободных», а их у нас около пяти миллионов. Жизнь «свободных» — это отдых, лень, наслаждение, праздник, — называйте это, как хотите, но все-таки я утверждаю, что их жизнь куда лучше нашей...

Он замолчал, провел рукой по лицу и с утомленным видом закрыл глаза.

— Вы опять, Нина, — сказал он, когда девушка подошла к нему, — помогли мне в несчастье, и я не знаю, как благодарить вас.

— Я же врач, — ответила девушка, — я обязана помогать всем, даже врагам.

— Всем... даже врагам... — повторил Брайтон. — Что же? Я знаю, что вы меня считаете врагом...

— Нет! — просто ответила девушка. —Я не знаю этого. Порой мне даже кажется, что вы совсем не враг. Я только многого не понимаю пока...

Брайтон улыбнулся и приказал дать самый быстрый ход подъемной машине.

— Вы это поймете у меня в замке на Арте! — загадочно шепнул он.

Выйдя из кабины, Брайтон пригласил спутников на воздушную яхту и приказал пилоту:

— В замок Арты!

И «Орел», распластав свои белые крылья, понес их на юг.

V.

Бой в воздухе.

На другое утро, когда все собрались в столовой судна, откуда открывался вид на три стороны, Нина подошла к окну и любовалась земными долинами, по которым бежали реки, кажущиеся голубыми лентами.

— Как прекрасен мир! — воскликнула она с восторгом, глядя на раскинувшиеся внизу леса и поля, кое-где перерезанные дорогами; вокруг них тонули в тенистых парках роскошные замки и дома «свободных». — Какой ужас охватывает меня при воспоминании о тех несчастных, которые бьются там в подземельях!

Джемс молчал.

К нему подошел Русанов и положил ему руку на плечо.

— Зачем, — шепнул он страстно и горячо, — зачем за спиною этих рабов вы поставили страшного надсмотрщика — Смерть? Вы этим превратили их жизнь в пытку!

— Это ввели до меня, — ответил англичанин. — Но теперь уже поздно возвращаться. Машина пущена, и остановить ее нельзя...

— Разве нельзя изменить ее движение? — спросил Гремин.

— Нет! Вся культура, все знание находится в руках двух или трех десятков людей. Если они погибнут — исчезнет все то, что люди завоевали вековой борьбой, и человечество вернется в первобытное состояние.

— Это лучше, чем рабство! — воскликнул Гремин.

— Это правда! — согласился Брайтон. — Но вы забываете, что условия изменились. Земля охладилась, недра ее опустошены, и новому первобытному человеку, вооруженному лишь желанием жизни, вторично не победить природы.

Все замолкли, а Брайтон продолжал.

— Вы говорите, что мы захватили свободу и жизнь людей? Это пустяки! Мы отняли у них душу, наследственное дос-

тояние их предков, добытое жизнью и кровью тысяч поколений. Они нищие, и мы их кормим. Если же мы погибнем — они в доме, наполненном богатством и пищей, не найдут ничего для жизни — так хорошо мы это утаили.

Англичанин сухо рассмеялся и начал ходить по каюте.

— Меня считают революционером и мечтателем, — сказал он. — И все только потому, что я уверен в гибели всех нас и не хочу остаться в памяти людей ни безумным скупцом, ни просто неизвестным, владевшим в свое время половиной мира. Я оставлю человечеству великолепное завещание! Мною изобретены конденсаторы человеческой энергии. Если в то время, когда мы, руководители трестов и устроители современной жизни, исчезнем, люди приведут в действие мои конденсаторы, в их мозгу возникнут все те идеи, которые теперь так хорошо известны и использованы нами. Подобно тому, как граммофон передает людям лучшие образцы литературы и музыки, проекционный фонарь — живопись и скульптуру, так мой конденсатор возбудит в людях идеи и пути их выполнения. Таково мое духовное завещание.

— Я не ошиблась... — сказала Нина, протягивая Джемсу руку. — Я недаром невольно доверяю вам.

Брайтон поцеловал руку девушки и сказал:

— Я потомок великого поэта и драматурга, — и, вероятно, поэтому я думаю, что единственное счастье на Земле — любовь. Пусть же она озарит мое имя хотя бы после смерти!

Резкий звонок прервал его слова. Джемс взял телефонную трубку и спросил:

— Что случилось?

Ответил дежурный пилот.

— Сударь, с юго-востока я вижу стаю гарпий!

Англичанин, не сказав ни слова, бросился к лестнице, ведущей в стеклянную башенку, расположенную над судном. Отсюда при помощи бинокля он отыскал вереницу черных точек, напоминающих косяк летящих осенью журавлей.

Но это были не птицы, и Брайтон насторожился.

Наперерез его воздушной яхте шло большое боевое судно, окруженное гарпиями. Это были маленькие быстро-

ходные аэропланы, построенные из стали и несущие на своих острых носах летучие мины.

Джемс спустился в каюту и, пройдясь несколько раз вдоль всего помещения, отдал по телефону приказание:

— Вся команда по местам! Приготовить большие прожекторы!

Затем он обратился к присутствующим:

— Господа! Я не могу от вас скрыть, что за нами гонится боевая воздушная эскадра треста. Нет сомнения, что узнали о вашем пребывании на «Орле» и хотят вас арестовать.

— Вы предатель! — сказал мрачным голосом Гремин. — Но знайте, что вы погибнете вместе с нами...

— Не время спорить и угрожать! — сухо ответил Брайтон. — Надо действовать! Желаете ли вы помочь мне?

— Я готов! — сказал Гремин.

— Пусть всякий возьмет на себя защиту одной стороны нашего судна, — сказал Джемс. — Это нелегкое дело, конечно, так как «Орел» — яхта, а на нас идут быстроходные боевые судна, вооруженные артиллерией и минами.

— Я возьму на себя защиту носовой части! — сказал Брайтон. — А вы, Нина, если доверяете мне, оставайтесь здесь!

— Я остаюсь! — ответила девушка.

Англичанин с благодарностью взглянул на нее и быстро вышел.

На мостике, расположенном почти на носу «Орла», копошились пилоты и устанавливали прожекторы, соединенные толстыми проводами с черными стальными ящиками. Большое военное судно остановилось на значительном расстоянии. На нем заколыхались сигнальные флаги, а вслед за этим заработал беспроволочный телеграф, вызывая «Орел».

— Что вам угодно? — спросил англичанин. — Я Джемс Брайтон!

— Генеральный Совет всемирных трестов предлагает вам немедленно сдать судно!

— Судно принадлежит лично мне, и никто не имеет права препятствовать мне лететь, куда я хочу.

— Я получил предписание арестовать вас!

— Попробуйте! — протелеграфировал Брайтон.

— Если вы не повинуетесь, — пришел ответ, — я отдаю приказ о нападении!

Англичанин прекратил переговоры и приказал что-то дежурному пилоту. «Орел» сразу же начал описывать большой круг, медленно поднимаясь все выше и выше.

Одновременно со всех сторон судна загорелись прожекторы. Их ослепительный след спорил с лучами солнца, и казалось непонятным, зачем Брайтон зажег огни на «Орле». Англичанин обошел всех людей, стоящих у прожекторов, и что-то объяснил Гремину и Русанову, взявших на себя оборону бортов.

Но в это время грянул первый выстрел.

Брайтон бросился на нос яхты.

Военное судно несколько удалилось. Оно еще было окутано легким дымом, но сквозь дым были видны красные флаги, выброшенные на боковых галереях.

— Бой начался! — крикнул Джемс. — Внимание!

Две гарпии выделились из строя и быстро пошли навстречу «Орлу», а третья, описав дугу, начала подходить сбоку.

Яхта англичанина, не останавливаясь, поднималась вверх. Работали лишь верхний и нижний пропеллеры. Джемс вдруг быстро повернул судно и полным ходом пошел на нападающих.

С каждым мгновением гарпии становились ближе. Уже можно было различить глазом людей, копошившихся у мин, как вдруг носовые прожекторы на миг осветили бледными лучами темные тела гарпий, и тотчас же свет сделался розовым, а затем багровым. Казалось, что он въедается во мчащихся к яхте врагов. Оглушительные взрывы раздались на гарпиях, и исковерканные обломки стальных листов, куски дерева и обрывки человеческих тел начали со стремительной быстротой падать вниз.

Третья гарпия успела выпустить мину, но смущение, которое овладело ее командой, не позволило взять правильный прицел, и снаряд, гудя и оставляя за собой длинную полосу дыма, пронесся дальше.

«Орел» ловким маневром догнал убегавшее судно и, встав над ним, сбросил снаряд. Опять черные обломки понеслись к земле и, ударившись об нее, превратились в песок, мелкие осколки и бесформенные куски окровавленного мяса и мозга.

Заговорили орудия военного судна, но снаряды не долетали до «Орла». Он забирался все выше и выше.

Два раза гарпии шли в атаку, но отступали, едва падали на них багровые лучи прожекторов.

— Нам бы продержать их так до ночи, а там мы им покажем один фокус! — весело крикнул Брайтон появившемуся из боковой галереи Гремину.

Но, словно отвечая ему, гарпии поднялись выше и начали наступление. Заработали прожекторы. Несколько судов взорвалось, другие загорелись и начали быстро опускаться на землю. Однако перевес был на стороне нападающих. Уже несколько мин взорвались возле самого судна и снесли один прожектор.

Англичанин понял, что ему надо отступать и пытаться сдерживать врага на расстоянии, сосредоточив на нем лучи всех прожекторов.

Он уже хотел сделать распоряжение о новом маневре, как вдруг увидел, что две гарпии внезапно исчезли, а на их месте вспыхнули красноватые огоньки.

— Мой аппарат! — крикнул Гремин. — Я совсем о нем забыл!

Он бросился в кормовую каюту, а за ним поспешил и Брайтон.

Они остановились в изумлении.

Нина поместила прибор на столе и, следя в бинокль за гарпиями, наводила на появляющиеся за кормой суда потоки невидимых лучей.

— Вы нас спасли! — восхищенно глядя на девушку, воскликнул Брайтон. — Теперь мы посмотрим!

Когда аппарат был перенесен на нос и очутился в опытных руках Гремина, гарпии одна за другой начали бесследно исчезать, словно таять в воздухе, а военное судно, не

дожидаясь конца боя, быстро удалялось к северу, изредка стреляя из кормовых пушек.

Бой был окончен, и «Орел» продолжил свой путь.

К стоящему на боковой галерее Джемсу подошел Гремин.

— Жаркий день был сегодня... — проговорил он.

— Да!.. — неохотно и резко ответил англичанин.

— Завтра, вероятно, новая эскадра будет нас преследовать? — продолжал русский инженер.

— И завтра вы опять скажете, что я предатель! — мрачно произнес Брайтон.

— Нет! — ответил Гремин. — Я прошу у вас прощения и сознаюсь, что оскорбил вас своими подозрениями. Что бы ни случилось, я всегда буду считать вас благородным человеком!

Брайтон сделал быстрое движение, будто хотел броситься к Гремину, но удержался и вновь потупился, сдвинув густые брови.

— Вам недолго считать меня предателем или благородным человеком, — произнес он. — Моя песенка спета... Я очень скоро должен погибнуть.

Гремин молчал, так как знал, что Брайтон говорит правду, сознавая, что ему не под силу одному вести борьбу со всесильным Генеральным Советом трестов.

Мучительное и тяжелое молчание длилось долго; его прервал голос Нины.

— Я не думаю, что ваша судьба уже решена, — сказала она, обращаясь к Джемсу. — Почему бы вам не примкнуть к нам? Мы также хотим счастья человечеству, и мы добьемся этого!

Джемс вспыхнул, но тотчас же справился с собою и сказал:

— Я не могу жить без доверия к себе, а вы не можете мне доверять. Ведь я Джемс Брайтон!

И он горько рассмеялся.

— Нет, мы доверяем вам! — воскликнул Гремин.

— Ваш приход к нам — начало нашей победы! — торжественным голосом произнес Русанов, входя на галерею. Его

глаза горели огнем вдохновения, и рука протянулась над головою англичанина.

Брайтон окинул всех взволнованным и радостным взглядом и молча решительно кивнул головой.

Потом, подойдя к Нине, он прижал ее руку к губам и шепнул:

— Вы в одном ошиблись! Моя судьба решена!

Вечером они увидели верховья Арты, и около полуночи Джемс, радостный и возбужденный, вошел в кормовую каюту и сказал:

— Сейчас я вам покажу свой дом, где я не Джемс Брайтон, а человек!

Он хотел уже протянуть руку и подошел к окну, но тотчас же со стоном отскочил.

Все кинулись к окнам.

Внизу ярко пылало пламя. Видно было, как вскидывалось злое пламя и металось, пожирая все, что попадалось ему на пути.

Брайтон тяжело опустился в кресло:

— Они сожгли все, что я ценил в жизни...

Он закрыл лицо руками и глухо зарыдал.

VI.

«Земля побеждающей мысли».

Спустя несколько дней большое воздушное судно с зажженными боковыми огнями мчалось глубокой ночью над необозримой пустыней Азии.

Широкоплечий человек, закутанный в плащ, стоял на мостике. Глаза его блестели, а ноздри жадно втягивали свежий морской ветер, дувший навстречу судну.

Появилась еще одна фигура. Шорох ее платья услышал стоящий на мостике и быстро обернулся.

— Я ждал тебя! — сказал он. — Я так счастлив, но мне нужно всегда видеть тебя, Нина, рядом с собою. Сам того не сознавая, я любил тебя с первой нашей встречи в Балтиморе! Я невольно вспоминал о тебе, и ты являлась иногда мне во сне. Тогда я смеялся над собою, но теперь я понял все. Я тебя люблю, и мы должны были встретиться...

Нина молчала. Она только подошла ближе к Брайтону и подала ему руку. Они долго стояли и дышали полной грудью, чувствуя, как горит в их сердце любовь, и постигая красоту и величие мира. Бледный свет луны охватил их, прижавшихся друг к другу с доверчивой и теплой лаской, а внизу кипел океан и, казалось, хотел доплеснуть до судна пенистые гребни волн.

— Тихий океан! — крикнула Нина. — Сейчас будет наш остров, наши друзья и новая жизнь!

Отвечая ей, снизу поднялась к облакам широкая полоса ослепительного света, побежала, сразу нашла яхту и залила ее потоком ярких лучей.

Русанов, выйдя из каюты, встал на самом открытом месте судна и снял шляпу.

Внизу вспыхнули разноцветные огни, и тотчас же ярко осветилась большая площадь.

«Орел», медленно кружась, опускался.

Толпа мужчин, женщин и подростков окружила яхту.

Все пожимали руки Русанову, Гремину и Нине.

Когда крики и приветствия улеглись, старый ученый встал и крикнул:

— Привет Джемсу Брайтону на острове свободных людей!

— Привет! Привет! — подхватила толпа и старалась увидеть английского изобретателя, имя которого было окружено зловещим ореолом.

— Он наш друг и союзник! — крикнул опять Русанов.

— Ура! — пронеслось над толпой.

Всю ночь не расходились люди и не отпускали прибывших.

— Скоро ли начнем последнюю войну? — спрашивали наиболее нетерпеливые.

— Теперь скоро! Очень скоро! — успокаивал их Гремин.

Солнце еще не поднялось к зениту, а Гремин уже показывал Брайтону все то, чего достигли жители острова, бежавшие сюда от промышленных королей.

Англичанин осматривал все заводы и их изделия с глубоким вниманием, делясь своими впечатлениями с инженером.

Его ум, изощренный в жестокой борьбе трестов с десятками миллионов порабощенных людей, в каждом изобретении видел особые стороны, делающие его опасным для врагов. Когда Гремин указал ему на это, Брайтон энергично махнул рукой и сказал:

— Конечно! Сначала победим одних, а потом уж облагодетельствуем других!

И он что-то подсчитывал, соображал и отмечал в записной книге.

Брайтон неожиданно оживился, когда Гремин привел его в огромное здание с высокой башней и быстрым потоком воды, мчащейся куда-то с шумом и грохотом.

— Это фабрика золота, — сказал Гремин, заметив вопросительный взгляд англичанина. — Смотрите.

Сквозь стекла башни можно было увидеть, как в падающем сверху водопаде мелькали сотни сеток, быстро прячущихся в углублении стен и вновь рассекающих воду.

— Эти сетки сделаны из особого сплава, поглощающего золото, — сказал, стараясь перекричать шум воды, Гремин. — Они улавливают те сотни миллионов пудов золота, которые растворены в воде морей.

Лишенная золота вода с плеском и глухим грохотом исчезала в конце здания в глубоком колодце, где в падении она приводила в движение динамо-машины, превращаясь в силу, свет и теплоту.

— Это душа вашего острова! — улыбнулся Брайтон.

Инженер кивнул ему, и они начали спускаться в подвал, расположенный под зданием фабрики золота.

Здесь все содрогалось от мчащейся в каменном русле воды, которая буквально оглушала своим ревом.

Высокие штабели больших и малых слитков золота, целые горы драгоценного металла были сложены здесь. Всю

землю можно было купить за эти сокровища.

— Скорей, скорей к Русанову, — вдруг крикнул Брайтон и почти бегом бросился из подвала. — Вы не хотите кровопролития? — сказал он, остановившись перед стариком.

— Хорошо! У вас есть способ незаметно и быстро победить всемирные тресты. Вы знаете, что у нас на поверхность земли попадают те, которые представят нужное количество золота. Мы снабдим им население подземелий и будем увеличивать число «свободных». Остановятся фабрики и опустеют поля и плантации. Произойдут непредвиденные осложнения, а изменение законов вызовет бунты и гибель трестов.

С того дня все население острова было занято постройкой судов. Вскоре они шли в сопровождении большого корабля, который в пути снабжал их энергией, передаваемой по воздуху. Около Марселя глубокой ночью суда выгружали слитки золота, и ночью же их уносили выходящие из подземелий по естественным расщелинам и пещерам люди вглубь земли, где с каждым днем ярче занималась заря скорого освобождения.

Через несколько лет, когда в Европе после жестоких междоусобных войн, убийств и казней начались голод и повальные болезни, с острова прибыл «Орел».

Генеральному Совету всемирных трестов, с трудом удерживающему еще в своих руках власть, были посланы требования о немедленном отказе от управления человечеством и о подчинении решениям острова.

Весть об этом разнеслась среди населения, свободного, но полуголодного и начинающего уже вымирать. Одичавшие и отчаявшиеся люди несколько дней окружали здание Генерального Совета и грозными криками требовали согласия на условия освободителей. Когда же Совет слишком долго не мог прийти к окончательному решению, тол-

па ворвалась в золотую залу дворца, и когда с завываниями и проклятиями она выбежала оттуда, то на залитом кровью полу, среди обломков столов и кресел, лежало несколько трупов.

Через два часа после этого на острове происходил такой разговор между Греминым и Брайтоном, гулявшими в саду и наслаждавшимися тихим летним вечером.

— Довольно! — засмеялся англичанин. — Теперь ваш черед. Я должен признаться, что не особенно спешу увидеть миллионную толпу озверевших людей. Они едва ли лучше тех шести безумцев, которые владели ими. Идите вы с Русановым. Вы — мечтатели и пророки, приведите этих людей к сознанию труда для общего блага, а потом зовите меня, человека дела!

— По какому поводу так волнуется «человек дела»? — спросила с легкой насмешкой Нина, идя им навстречу.

— Джемс Брайтон ужасно разленился, — ответил Гремин, — он хочет отдыхать, а там теперь такая работа, там обновление человечества, новая разумная и свободная жизнь!

Инженер обвел рукой широкий круг в воздухе.

— Я тебя и не удерживаю! — засмеялся Брайтон и лукавые огоньки загорелись в его глазах.

— Но и я тебя не удерживаю, Джемс! — ласково гладя его по руке, сказала Нина.

Брайтон весело расхохотался и, взяв за руки жену и Гремина, сказал:

— Пойдем к старику. На острове нам уже осталось жить так недолго. Завтра — туда! Назовем же этот остров «Землей Побеждающей Мысли»!

Источники

Тексты произведений А.Ф. Оссендовского приводятся в современной орфографии, с исправлением некоторых опечаток и ряда устаревших особенностей пунктуации.

Ложа Священного Алмаза. – Впервые: Аргус. 1913. № 7.

Бриг «Ужас». – Впервые: Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива». 1913. Т. 11. Ноябрь.

Грядущая борьба: Завтрашняя повесть. – Впервые: Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения к журналу «Нива». 1914. Т. 10. Октябрь.

На обложке – фрагмент работы Д. Гри «Восход полной луны» из серии «Призрачные корабли» (http://neosurrealismart.com/modern-art-prints/?artworks/ghost-ship-series-full-moon-rising.html)

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

SALAMANDRA P.V.V.